

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Г.Р.ДЕРЖАВИНА**

ИНСТИТУТ «ОТКРЫТОЕ ОБЩЕСТВО»

АССОЦИАЦИЯ «ИСТОРИЯ И КОМПЬЮТЕР»

**СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ
РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ
В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИИ
АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА
В XVIII-XX ВВ.**

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ**

Май 2002 г.

Тамбов 2002

ББК 63.3
С 69

Издание вышло при поддержке института
«Открытое общество». Фонд содействия,
грант № ННВ 201.

Редакционный совет:

Л.И. Бородкин;
В.В. Канищев (отв. ред.);
С.Г. Кащенко;
Ю.А. Мизис.

Рецензенты:

кандидат исторических наук А.А. Сафонов;
кафедра истории Тамбовского государственного
технического университета

Социальная история российской провинции в контексте
С 69 модернизации аграрного общества в XVIII-XX вв.: Мат-лы междунар. конф. (май, 2002 г.) / Отв. ред. В.В. Канищев. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2002. 531 с.

ISBN 5-89016-080-X

В сборник вошли статьи историков России, Белоруси, Украины, Нидерландов, Швеции, посвященные социальной истории России в целом и Центрально-Черноземной провинции в особенности. Все сюжеты рассматриваются на общесторическом фоне перехода от аграрного общества к индустриальному.

Материалы адресованы преподавателям, научным работникам, учителям, аспирантам, студентам, всем тем, кто интересуется историей.

ББК 63.3

ISBN 5-89016-080-X

© Тамбовский государственный университет
им. Г.Р.Державина, 2002

А.Л. Аврех, В.В. Катицев

Тамбовский государственный университет

**ЕСТЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ
МОДЕРНИЗАЦИИ АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА.
ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, XIX-XX вв.
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Органическая связь повседневной жизни аграрного общества с природой является банальной истиной. Однако механизм высвобождения российского аграрного общества в процессе его модернизации от жесткой зависимости от естественных природных процессов мало изучен исторической наукой.

При постановке проблемы можно выделить три блока вопросов:

- преодоление обществом зависимости от глобальных природных процессов;
- изменения степени высвобождения общества от прямого воздействия локальных природно-климатических явлений;
- историко-экологические процессы, модернизация традиционного природопользования и смягчение обратного воздействия природы на аграрное общество.

В последние годы тамбовские историки наработали немалый материал микроисторического характера (первичные данные метрик и других источников примерно по 15 церковным приходам), свидетельствующий о сохранении жесткой зависимости демографического поведения крестьянства от природно-космических процессов вплоть до середины XX в. Достаточно определены взаимосвязь рождений, браков, смертей от колебаний урожайных и неурожайных лет, а также колебания основных демографических показателей внутри календарного года в зависимости от природно-хозяйственного цикла. Наиболее интересным оказалось определение прямой зависимости браков и рождений от будущего урожая [1]. Это кажется сверхъестественным с точки зрения рационального человеческого сознания, но вполне согласуется с наблюдениями над чисто биологическими сообществами. Хорошо известны факты роста поголовья

мышей под будущий урожай и, напротив, рассасывания икринок у рыб или плода у приматов – обезьян, в неблагоприятных природных условиях. Да и в человеческой гинекологии имеется понятие «блокадной аменарей», сложившееся на основе наблюдений врачей в блокадном Ленинграде периода Великой Отечественной войны, где в связи с голодом резко сократилось число беременностей.

Конечно, такие наблюдения для их большей убедительности требуют усиления аргументации, особенно в сотрудничестве с представителями естественных наук. Мы намерены провести более строгий математико-статистический анализ колебаний основных демографических показателей в зависимости от урожая, шире и глубже изучить биологическую и медицинскую литературу о механизмах влияния природных процессов на рождаемость у живых организмов.

Мы понимаем необходимость осторожности в прямом распространении выводов, полученных на уровне микроистории, на макроуровень и важность промежуточного достижения оптимального соотношения между микро- и мезоуровнями в исторических исследованиях. Казалось бы, логически убедительные выводы, полученные путем изучения тысяч конкретных людей, сотен семей, десятков населенных пунктов, не дают достаточной уверенности в возможности их переноса на более широкие объекты мезоуровня (уезды, губернии, крупные регионы). Поэтому предполагается направить специальное внимание на изучение основных параметров и векторов естественно-исторического развития типологически единого российского региона – Центрального Черноземья, в период модернизации аграрного общества.

Для понимания механизма высвобождения демографического поведения представителей аграрного общества от преимущественной зависимости от природных ритмов важно установить момент завершения перехода к современной модели воспроизводства населения. В.Л. Дьячков применительно к городам Тамбовской губернии убедительно показал, что такой переход завершился в основном к концу XIX в. [2]. Относительно сельской местности пока можно сказать только то, что демографический переход в тамбовском селе закончился после Великой Отечественной войны. Более точно момент появления устойчивых современных показателей рождаемости, брачности, смертности в крестьянском социуме Тамбовской области еще предстоит определить.

Еще одним совершенно не изученным в историческом плане аспектом темы является выяснение влияния широкомасштабных стихийно-природных бедствий на повседневную жизнь аграрного общества, деятельности государства и общественности по предотвращению и преодо-

лению их тяжелых последствий. На материалах Тамбовской губернии такое исследование применительно к концу XIX – началу XX в. ведется нашим аспирантом Е.В. Яковлевым.

В частности, им выяснено, что для Тамбовской губернии особенно были характерны такие негативные явления, как пожары и эпизоотии, проявление которых во многом носило объективный характер, зависело от циклов солнечной активности, а также усиливалось антропогенным фактором, примитивностью аграрного общества, его слабой готовностью противостоять стихии. Человеческий фактор в возникновении пожаров являлся преобладающим и был связан с аграрной перенаселенностью, скученностью построек, несоблюдением мер противопожарной безопасности. Ежегодные убытки от них (как для социальных объектов – жилья, хозяйственных построек, инвентаря, так и для биологических объектов – посевов, скота и особенно лесов, наконец, самих людей) были значительными даже на уровне губернии. Во время эпизоотий причины чисто природного характера также усиливались антропогенными. Недостаточность мер ветеринарно-полицейского характера, невежественное отношение населения к вакцинации, санитарным мероприятиям, сокращение пастбищ и сенокосных угодий ввиду развития экстенсивного земледелия, также способствовали распространению эпизоотий. Последствия и ущерб от эпизоотий особенно значительными были на локальном уровне, но порой и по губернии доля заболевших животных приближалась к 8%. Немалый ущерб сельской экономике Тамбовской губернии приносили нашествия вредных насекомых. Как выясняется, они были не только проявлениями природной стихии, но и результатами традиционно недоверчивого отношения крестьян к современным агротехнологиям [3].

Одной из важных задач дальнейшего изучения роли стихийных бедствий в жизни аграрного общества должен стать анализ механизмов непосредственного влияния неурожайных лет на крестьянство. В частности, изучение деятельности В.И. Вернадского как тамбовского помещика-рационализатора, показало, что в конце XIX в. многое в сельском хозяйстве зависело уже не от природы, а от «продвинутости» методов хозяйствования. Особенно очевидными проблемы тамбовского крестьянского хозяйства становятся для В.И. Вернадского летом 1891 г., когда он, проживая в имении, много ездил по полям, наблюдая картину страшного неурожая на крестьянских полях на фоне нормального состояния своих посевов озимых. За несколько лет хозяйствования благодаря правильному севообороту плодородие его земель неуклонно повышалось, а на полях крестьян из-за низкой агротехники и истощения почв ухудшалось. В письме жене из Вернадовки 6 июня 1894 г. он писал: «Я очень сомни-

тельно относиться к будто бы наблюдаемым изменениям климата, но существование какой-то неизвестной нам и мало принимаемой во внимание периодичности в климате и явлений, связанных с истощением земли при старых способах обработки и плохих семенах, — несомненно». Выдающийся ученый, имея даже короткие по времени наблюдения, улавливал черты того, что можно назвать экологическим кризисом аграрного общества. Прimitивное сельскохозяйственное производство, почти полностью зависимое от природных явлений, могло давать сколько-нибудь достаточный для людей объем продукции только за счет высокого естественного плодородия почв. Как только почвы начинали истощаться, климатические отклонения стали приводить к тяжелейшим последствиям для сельского хозяйства [4].

Влияние голода 1891-1892 гг. на повседневную жизнь крестьянства Тамбовской губернии является относительно изученным. Тамбовским историкам предстоит еще выяснить роль для населения региона голодных лет первой половины XX в., а главное «уловить» момент, когда была преодолена опасность голода или, другими словами, достигнута продовольственная безопасность региона.

Малоизученным на конкретно-историческом уровне сюжетом является масштаб эпидемий и их последствий для повседневной жизни аграрного общества. В работах историков можно встретить только самые общие упоминания о связи холерных и других эпидемий с социально-демографическими процессами [5]. Последствия массовых заболеваний для других сфер повседневной жизни и конкретные меры по борьбе с ними не только медицинских органов, а государства и общества в целом не изучались вовсе.

В губернии во второй половине XIX в. началась борьба со стихийными и антропогенными бедствиями, работа по оказанию помощи пострадавшим. Государственными и земскими органами разрабатывалась система мер этой борьбы. Но возможности властей и общественности в деле предотвращения и смягчения отрицательных последствий таких бедствий, оказания помощи пострадавшим, конкретные масштабы деятельности государственных и земских продовольственных, пожарных, страховых, медицинских, ветеринарных учреждений по рассматриваемому вопросу пока изучены очень мало. Только в самом общем виде можно сказать, что эффективность этих мер была разной и во многом зависела от состояния аграрного общества. Нехватка средств, произвол чиновников, традиционная психология крестьянства мешали успешно бороться с бедствиями и их последствиями. Этот сюжет предстоит исследовать и применительно к советскому периоду, имея целью выяснить, насколько «социали-

стическому государству» в течение XX в. удавалось минимизировать последствия для села стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций.

Воздействие локальных природных факторов на аграрное общество особенно проявилось в формировании сети сельских населённых пунктов в XVII – первой половине XIX в. [6]. В период заселения Тамбовского края определение мест первоначальных поселений здесь, как и всегда в традиционном обществе, шло естественным путем свободного выбора наиболее удобных в природном отношении пунктов. Хотя на первых порах этот выбор ограничивался и азональным фактором: конфигурацией Тамбовского и Козловского валов как части оборонительной системы юга Русского государства. Необходимость защиты валов и наличие на оборонительных линиях городков заставили строителей спланировать вдоль основных узлов обороны цепь сел служилых людей. Но все равно выбор конкретных мест для этих сел увязывался с естественными природными условиями (наличие реки или озера, плодородных земель, лесных угодий).

С XVIII в., когда Тамбовский регион перестал быть пограничным и превратился в чисто земледельческий, процесс возникновения здесь населённых пунктов шел почти только естественным путем. Крестьяне сами подыскивали наиболее удобные в природном отношении места для новых сел и деревень, получая от воевод, а затем центральных властей формальное право на их освоение. Как и в предыдущий период, главным образом заселялись реки с прилегающими лесными массивами. Не более 15% поселений расположились по рекам, протекавшим в степной местности. Даже в условиях наметившейся к середине XIX в. перенаселенности приречных территорий сельские жители Тамбовской губернии не очень-таки стремились выселяться на свободные, но сухие межречные пространства. По данным 1862 г., только пятая часть сельских населённых пунктов, расположенных в границах современной территории области, находилась у искусственных водоемов (колодцы и пруды), а также у заполнявшихся водой оврагов, ложбин и т.п. Ситуация мало изменилась к началу XX в. Из-за нехватки приречных земель новые села и деревни возникали сравнительно редко. Населенные пункты, хотя и заметно выросли по людности, предпочитали «жаться» к воде.

Зависимость сети населённых пунктов от природных условий проявлялась и в советской деревне 1920-х гг., когда в период землеустроительных работ возникли несколько тысяч новых поселков. Эти поселения строились даже несколько дальше от железных дорог, чем возникшие ранее. Тяга к земле перекрывала стремление крестьян селиться близ

удобных с точки зрения индустриального общества железнодорожных коммуникаций.

Эволюция сети сельских населенных пунктов Тамбовской области в советский период (с 1930-х гг.) происходила под нарастающим давлением азональных факторов. Последние определялись стремлением властей превратить административно-территориальную сетку в инструмент хозяйственно-культурного строительства, призванного внести плановые начала в расселенческие процессы. И все же провоцируемая урбанизация деформировала, но не уничтожила «остов» сети сельских населенных пунктов области, те населенные пункты, которые возникли в период первоначального заселения края, главным образом естественным путем.

Анализ специально созданной ГИС по населенным пунктам Тамбовской области позволил наглядно представить устойчивость зоны первоначального расположения сельских поселений в центральной и северо-западной частях региона, наиболее оптимально обеспеченных земельными, водными и лесными ресурсами, и нарастающую депопуляцию южных и юго-восточных районов, традиционно имевших достаток хорошего чернозема, но испытывавших нехватку воды и лесов [7].

Сравнение переплеса населения 1920-1980-х гг. показывает, что в советский период сокращалось население почти всех сельских населенных пунктов. В основном только районные центры – крупные села и поселки городского типа – стали более людными. Совершенно очевидно решающую роль в их росте сыграло нарастание административных функций, требовавших увеличения аппарата управления. Пока не выяснена роль природного фактора, способствовавшего выделению большинства этих поселений среди прочих еще в досоветский период. Очевидно одно, что почти все современные райцентры находятся на крупных по масштабам региона реках.

Принципиально важным аспектом изучения механизма преодоления зависимости аграрного общества от локальных природных процессов может стать определение масштабов колебаний показателей основных отраслей сельского хозяйства – земледелия и животноводства – в зависимости от колебаний погодных условий. Материалы «Обзоров Тамбовской губернии» конца XIX – начала XX в. показывают, что такая зависимость была очевидной. Однако очевидно и то, что эти колебания по-разному проявлялись в разных категориях хозяйств. Так, в крестьянских хозяйствах в благоприятные годы урожайность составляла 12, а неблагоприятные – 3,5 ц с га, т.е. разница была почти 4-кратной. В помещичьих владениях показатели урожайности выглядели как 14 и 6 ц с га соответственно при разнице менее чем в 2,5 раза. Условия урожайных лет поме-

щики и крестьяне использовали почти одинаково, однако, в неурожайные годы помещичьи хозяйства, применявшие элементы интенсификации, могли в большей мере, чем крестьянские минимизировать потери урожая зерновых.

Базы данных по скотоводству Тамбовской губернии за первые годы XX в., созданные также на основе «Обзоров Тамбовской губернии», показывают зависимость и поголовья скота от природных условий. Особенно заметно это проявилось в 1906 г., когда неблагоприятный урожай привел к существенному сокращению числа домашних животных. При этом видно, что сброс поголовья происходил именно в неурожайные годы. Учитывая, что эпизоотии приходились на другие годы (см. статью Е.В. Яковлева в настоящем сборнике, с.356), можно сказать, что такой сброс делался населением сознательно, видимо, осенью, когда явной становилась невозможность прокормить скот в течение зимы.

Заметим и то, что разброс в численности поголовья скота в урожайные и неурожайные годы не столько велик, как в урожайности зерновых культур — немногим более 10%. Такой невысокий показатель связан с тем, что в структуре кормов в губернии преобладало сено, заготовленное на заливных лугах. Данные о заготовке сена по губернии в начале XX в. говорят о том, что в неурожайные годы резко снижались укусы трав на суходолах (более чем вдвое) и не столь значительно на заливных угодьях (менее чем на 10%). В этот период определенную роль в создании кормовой базы животноводства начинает играть травосеяние. Однако его масштабы были сравнительно невелики в сравнении с заготовкой сена: в лучшие годы 7-8% во всем объеме кормов. Таким образом, кормовая база животноводства вплоть до начала XX в. оставалась в целом во власти природных стихий. Население губернии смогло приспособиться к природным условиям только в том, что сохраняло в качестве животноводческих угодий заливные луга.

Период революции и гражданской войны, 1920-1930 гг. по существу стал временем гибели традиционного аграрного общества под натиском форсированной «советской модернизации». Конечно, в таких социально-политических условиях было не до «борьбы с природой». Мы не рассматриваем всерьез мичуринское движение (имеется в виду не опытническая деятельность И.В. Мичурина, а движение по «взятию милостей от природы», которое было в огромной мере пропагандистской шумихой).

Есть основания предполагать, что в «переходный период» аграрное общество оказалось более, чем прежде беззащитным перед ударами природных стихий, что особенно проявилось в тяжелых голодовках 1921 и 1932-1933 гг. Тамбовская губерния была затронута ими в меньшей мере,

чем Поволжье, южные регионы России, Украина, но все же испытала их жестокие последствия. Масштабы этих явлений тамбовским историкам еще предстоит изучить.

В послевоенный период, начатый катастрофической засухой 1946 г., в целом – по среднегодовым показателям – в Тамбовской области наметилась тенденция устойчивого роста зернового производства. В 1953-1964 гг. среднегодовые сборы зерновых составили 1322,1 тыс. т (урожайность – 10,8 ц с га). Причем, если во второй половине 1950-х гг. показатели (1181 и 10 соответственно) были ниже, то в первой половине 1960-х (1678 и 13) – выше среднетрендовых. В период 1965-1976 гг. сборы повысились до 2223,0 тыс. т, урожайность – до 16,6 ц с га (во второй половине 1960-х гг. – соответственно – 2151,0 и 16,7, в первой половине 1970-х – 2235 и 16,5). В сравнении с пресловутым 1913 г. (сбор – 1151,5 тыс. т, урожайность – 7,7 ц с га) и уже колхозно-совхозным 1940 г. (соответственно – 995,5 и 7,3) послевоенный рост выглядит вполне убедительно [8].

Главным условием такого развития земледелия стала индустриализация аграрного сектора (так, энерговооруженность одного сельскохозяйственного работника в регионе за период 1917-1986 гг. выросла с 0,3 до 40 л.с., потребление электроэнергии на производственные цели в 1956-1986 гг. увеличилось в 38 раз [9]), которая позволила если не устранить, то минимизировать отрицательное влияние природно-климатических факторов на показатели зернового производства. Пожалуй, самым явным подтверждением этому служит тот факт, что чрезвычайно неблагоприятный по погодным условиям 1972 г. не привел к голоду. Нужно учитывать и роль советской плановой экономики, сумевшей организовать переброску продовольственных ресурсов из благоприятных районов внутри страны и организовать закупку зерна за границей. Поэтому представляется важным специальное изучение роли плановой экономики в минимизации тяжелых последствий неблагоприятных природных воздействий на общество в отдельных регионах огромной страны или, напротив, в их отягощении, как это было в голодные 1932-1933 и 1946-1947 гг.

Нельзя не учитывать, что в 1950-1980-е гг. тамбовский аграрный сектор продолжал функционировать в зоне, благоприятной – по российским условиям – для ведения сельского хозяйства, но при этом оставался подверженным действиям засух, весенних и осенних заморозков, переувлажнения и других экстремальных локальных природных факторов. Например, в период 9-10-й пятилеток (1971-1980 гг.) шесть лет признавались неблагоприятными по погодным условиям.

«Успешные» среднегодовые показатели в трендах вуалируют реальные погодные данные. Сбор хлеба в 1953 г. составил 806 тыс. т, в 1956 г. –

1187,2, в 1957 г. – 1084,8, что скорее напоминает топление на месте [10]. Благополучие в 1971-1979 гг. было достигнуто рекордным 1973 г. (сбор – 3562,6 тыс. т, урожайность – 26,1 ц с га), компенсировавшим тяжелый 1972 г. и недороды ряда других лет [11].

Достигнутый в послевоенный период уровень индустриализации сельского хозяйства области позволял – с поправкой на приемы «социалистического хозяйствования» – полнее использовать возможности благоприятных по погодным условиям сезонов, но оказался мало состоятельным в трудные годы. Следовательно, речь может идти лишь об «индустриальном смягчении» природных катаклизмов.

Опустив, ввиду экстраординарности, 1946 и 1972 гг. (сильнейшие засухи), приведем некоторые «сдвоенные» данные: 1958-1959 гг. – падение сбора на 29%, 1968-1969 гг. – рост на 17%, 1970-1971 гг. – падение на 25%, 1975-1976 – рост на 91%, 1976-1977 гг. – падение на 35%, 1977-1978 гг. – рост на 30%, 1978-1979 гг. – падение на 55%, 1979-1980 гг. – рост на 66%, 1980-1981 гг. – падение на 59% (сбор 1981 г. – 807,9 тыс. т был минимальным за 25 лет, почти в 4,5 раза ниже рекордного сбора 1973 г.). Среднегодовой сбор за 1976-1980 гг. – 2180,7 тыс. т (98% от периода 1971-1975 гг.) показывает, что тамбовский регион являл собой не зону «индустриальной стабильности», а место продолжения традиционной и во многом безуспешной борьбы с климатическим фактором. Существенное агротехническое парирование вызовов погоды вплоть до 1980-х гг. в Тамбовской области так и не сложилось [12].

Реальный уровень «индустриализации» тамбовского сельского хозяйства в послевоенный период вполне просматривается сквозь призму зональности. Интенсивные показатели производства (урожайность, навод, механизация и т.п.) севера (треугольник между Моршанским, Первомайским и Гавриловским районами), центра (полоса от Мичуринского до Уметского районов) и юга (от Сампура до Мучкапа) идентичны или близки, демонстрируя «стратегию» подравнивания условий хозяйствования в пределах региона, что, безусловно, подрывало экономические стимулы качественного роста. Показательны в этом смысле, например, данные по 1958 (урожайный) и 1959 (неурожайный) годам. В 1958 г. перепад урожайности (Знаменский район – 16,7 ц с га, Пичаевский – 8,9) составлял – 7,8 ц (46,7%), в 1959 г. (Старо-Юрьевский – 11,9, тот же Пичаевский – 8,0) – 3,9 (32,8%) [12]. На лицо отрывы «передовиков» в благоприятные годы и всеобщие подравнивающие спады в неурожайные. Наличие таких выраженных зональных перепадов урожайности в территориально небольшом по российским меркам регионе, как Тамбовская область (протяженность с юга на север около 200 км или несколько градусов геогра-

фической широты), говорит о сохранении жесткой зависимости сельского хозяйства от природного фактора и во второй половине XX в.

Изменения средних показателей развития тамбовского животноводства в послевоенный период схожи с темпами роста земледелия: индексы объема производства в 1960-1985 гг. составили соответственно 157 и 152%, поголовье крупного рогатого скота (КРС) в 1950-1980 гг. удвоилось (с 402,3 до 812,5 тысяч голов) [13]. Роль индустриальных факторов очевидна: в середине 1980-х комплексной механизацией животноводческих процессов было охвачено 54% поголовья КРС, 61% – свиней, 96% – птиц. Удалось диверсифицировать кормовую базу: так, посевные кормовых культур в 1950-1960-е гг. выросли с 9,9% до 35,1% всех сельскохозяйственных площадей, колеблясь в пределах трети в дальнейшем. Однако кормобеспеченность поголовья оставалась далека от стабильной. Даже во второй половине 1970-х гг. перепады в заготовке кормов в разные по погодным условиям годы составляли: 1976-1977 гг. – падение на 17%, 1977-1978 – рост на 7%, 1978-1979 – падение на 30%, 1979-1980 – рост на 33%, 1980-1981 – падение на 39%, что совпадало с колебаниями сборов зерновых [14]. Только колебания в кормопроизводстве были менее резкими, что связано в том числе и с поливом кормовых плантаций.

Ситуация с кормами повторяла картину начала XX в. с той лишь разницей, что в начале столетия «спасали» только естественные заливные луга. Их роль оставалась ведущей и во второй половине XX в., поскольку масштабы орошения всех сельскохозяйственных угодий, включая кормовые, оставались незначительными. Нельзя отрицать, что в послевоенный период эти масштабы росли: в 1940 г. в Тамбовской области искусственно орошались 2 тыс. га, а в 1980 г. – 70 тыс. Однако последняя цифра относительно невелика, поскольку орошаемые площади занимали лишь 2% от всех угодий области. В вопросах развития ирригации и мелиорации полей сказались и известная российская безалаберность. В 1948 г. после катастрофического неурожая за 5 лет планировалось провести орошение или осушение на 120 тыс. га. Однако в последующие десятилетия в условиях роста производства зерна и кормов и отсутствия очень тяжелых по погодным условиям лет тамбовские власти «расслабились». Только после тяжелейшего 1972 г. они «спохватились», вернувшись к серьезному развитию ирригации и мелиорации. И все равно плановая цифра 25-летней давности не была достигнута [15].

В годы «развитого социализма» продолжала сказываться характерная для аграрного общества зависимость поголовья скота от «случайности» кормовой базы. В 1976 г. на фоне двойного роста сбора зерновых и полуторного – кормобеспеченности поголовья КРС составило почти мак-

симальную за советский период цифру – 856,7 тыс. голов. Падение урожая и заготовки кормов в 1977 г. сопровождалось сокращением поголовья крупного рогатого скота до 834,2 тыс. 1978 г. был урожайным. Однако «неопределенность» сборов зерновых и кормов повлекла инерционный сброс поголовья до 808,5 тыс. С учетом прошлогодних успехов полеводства поголовье в 1979 г. было доведено до 832,7 тыс., но падение сборов зерновых более чем вдвое и кормообеспеченности на треть в 1980 г. повлекло снижение поголовья до 822,5 тыс., продолжавшееся в неурожайном 1981 г. (падении сборов зерновых на 59% и запасов кормов на 33%) – до 812,5 тыс. голов [16].

Приведенные статистические эпизоды развития земледелия и животноводства в Тамбовской области в 1950-1980-е гг. демонстрируют «квазииндустриальный» характер советского аграрного сектора на локальном уровне.

Важным аспектом изучения естественно-исторического развития аграрного общества является выяснение характера и результатов взаимодействия человека и окружающей среды в процессе освоения природных ресурсов, что становится предметом только зарождающегося в России научного направления – экологической истории. В контексте темы данной статьи особенно важно определить изменения в этом взаимодействии в ходе модернизации аграрного общества.

В 1999-2001 гг. в Тамбовском государственном университете при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований был реализован проект «Модель историко-геоэкологической динамики Тамбовского региона в 17-20 вв.» [17].

В итоге работы над проектом были созданы около 30 электронных баз данных административно-территориального, демографического, социально-экономического и геоэкологического характера. Они позволяют определить использование природных ресурсов и изменения ландшафтов в ходе хозяйственного развития региона в целом, а также на микроуровне отдельных населенных пунктов и экономических объектов.

Изучение общего хода историко-геоэкологических процессов в Тамбовском регионе в XVII-XX вв. позволило выделить в этих процессах три периода: 1) с момента русского заселения в XVII в. до середины XIX в. – постепенное, в целом умеренное и соответствующее нормам классического аграрного общества воздействие населения на природную среду, начало преобладания антропогенных ландшафтов; 2) середина XIX – первые десятилетия XX в. – экологический кризис аграрного общества и традиционного природопользования, зарождение элементов рационального использования природных ресурсов; 3) с середины XX в. – медлен-

ное и противоречивое нарастание рационального природопользования и восстановление природной среды в процессе интенсификации сельского хозяйства.

Наибольшее внимание в ходе реализации проекта уделено построению модели развития экологического кризиса аграрного общества на территории Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. Выявлены чрезмерная демографическая нагрузка на природную среду, разрушение оптимальной структуры земельных, лесных и пастбищных угодий в пользу первых и соответствующее нарушение баланса земледелия, скотоводства, других отраслей сельского хозяйства, рост эрозийных процессов и истощения почв, слишком широкое сведение лесов и т.п.

Хотя уже в 1870–1880-е гг. и крестьяне, и частные землевладельцы начали искать способы рационального использования природных ресурсов для сельского хозяйства, характерные для индустриального общества, этому препятствовал недостаток объективных социально-экономических возможностей для введения современных аграрных технологий [18]. Крестьянство, не имея средств для интенсификации своего хозяйства, компенсировало это сохранением наиболее испытанных и разумных приемов традиционного природопользования. Частные же владельцы в основном не прибегали к совершенствованию хозяйствования на земле по субъективным причинам. Примеры рационального использования ресурсов для сельского хозяйства помещиками исчисляются в Тамбовской губернии максимум несколькими десятками владений. Многие помещики вообще не имели собственной запашки, сдавали землю в аренду крестьянам, выдвигая при этом минимальные требования к арендаторам по бережной обработке земли. Особенно наглядно новые подходы рационального хозяйствования демонстрировали приобретшие крупные земельные владения купцы. Они быстро стали переходить к сложным севооборотам, использованию удобрений, качественной обработке земли. Масштабы использования приемов рационального использования природных ресурсов были недостаточными, чтобы остановить нарастание экологического кризиса аграрного общества на территории региона, а тем более для существенной модернизации природопользования.

Напротив, накопление противоречий во взаимодействии человека аграрного общества с окружающей средой вкупе с кризисом традиционного демографического поведения крестьянства и экстенсивного сельского хозяйства создали естественно-исторические причины для мощного крестьянского движения в Тамбовской губернии в 1900–1920-х гг. [19].

Вместе с тем социально-катастрофические явления XX в. (войны, революции, коллективизация, кризис 1990-х гг.) как ни парадоксально

вели к снижению нагрузки аграрной экономики региона на природную среду. В настоящее время в области наблюдается восстановление лесостепной растительности и животного мира, повышение травостоя лугов, повышается чистота рек и других водоемов. Такие позитивные с точки зрения состояния природы явления стали следствием сокращения чрезмерности в распашке земель тяжелой техникой, использовании минеральных удобрений и других методов индустриального сельского хозяйства.

В 1950-1970-е гг. в сельском хозяйстве региона началось широкое использование приемов рационального природопользования (применение удобрений, современных технологий, совершенствование структуры угодий, строительство защитных лесополос, относительно широкая ирригация и мелиорация). Эту сторону процесса модернизации аграрного общества еще предстоит основательно изучить. Тем более, что приводившиеся в статье материалы свидетельствуют о явной незавершенности процесса интенсификации сельского хозяйства региона, сохранении его очень существенной зависимости от природно-климатических явлений. Изучение экологической истории тамбовского села 1950-1970 гг. важно и потому, что в условиях экономического кризиса 1990-х годов сельскохозяйственное производство в области по многим показателям было отброшено к уровню 30-ти и более летней давности. Возрождая сельское хозяйство, важно не повторить ошибок тех лет, использовать лучший опыт внедрения достижений индустриальной и постиндустриальной цивилизации второй половины XX – начала XXI в. в традиционную сельскую социально-экономическую среду, в том числе разумно освобождая ее от жесткой зависимости от природных процессов и явлений. Требуется обдумать и ту мысль, что модернизационные процессы в сельском хозяйстве 1950-1980-х гг. перешли какой-то нормальный рубеж (пределы роста), и окружающая среда «захотела» отдохнуть, дав возможность человеку подумать над оптимальными органичными методами хозяйствования на земле.

Примечания

1. См.: Дьячков В.Л. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. научных статей. Тамбов, 2001; Его же. О женской роли, мужской доли и нашем месте под Солнцем, или о том, что бывает за неправильное и несознательное демографическое поведение // Социальная история. Ежегодник. М., 2000; Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Социальная история и компьютер (Опыт совершенствования методологии исторического познания) // Инф. бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 1998. №22; Социально-

- демографическая история России в XVIII-XX вв. Современные методы исследования: Материалы научной конференции. Тамбов, 1999 и др.
2. См.: Дьячков В.Л. Деревня, город, государство и российские революции.
 3. См.: Чрезвычайные ситуации антропогенного характера и их влияние на природную среду. Тамбовская губерния, конец XIX – начало XX в. // Учение В.И. Вернадского, музыка С.В. Рахманинова – путь в XXI век. Третья Вернадовская науч.-практ. конф. Тамбов, 2001. С.68-69.
 4. См.: Канищев В.В. Хозяйственная деятельность В.И. Вернадского в контексте экологической ситуации в Тамбовской губернии в конце XIX – начале XX в. // В.И. Вернадский и Тамбовский край. М., 2002.
 5. Социально-демографическая история России в XVIII-XX вв. (статья С. Хока, В.Л. Дьячкова и др.).
 6. См.: Аврех А.Л., Есиков С.А., Канищев В.В., Мизис Ю.А., Протасов Л.Г. Формирование и развитие сельских населенных пунктов (снп) Тамбовской области (17-20 вв.) // Материалы XXVI сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Особенности российского земледелия и проблемы расселения IX-XX вв. М., 2000. С.8.
 7. См.: Канищев В.В. Геоинформационная система по истории Тамбовской области XVII-XX вв. // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». М., 2002. №30. С.91-92.
 8. См.: Народное хозяйство Тамбовской области: Статистический сб. Тамбов, 1972. С.69, 71; Народное хозяйство Тамбовской области за 60 лет: Юбилейный статистический сб. Тамбов, 1977. С.17, 94, 95.
 9. См.: Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. К 70-летию Великого Октября. Тамбов, 1977. С.17.
 10. См.: Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф.Р-3688. Оп. Д.3945; Народное хозяйство Тамбовской области в 1959 г. Экономика-статистический сб. (Пересчет в тоннах наш. – А.А., В.К.).
 11. См.: Социально-экономическое положение Тамбовской области в 1990 г. и за 5 лет 12-ой пятилетки: Экономический доклад. Тамбов, 1990. С.66.
 12. См.: Там же; Доклад об итогах выполнения государственного плана экономического и социального развития Тамбовской области за январь-декабрь 1987 г. Тамбов, б.г. С.25; Народное хозяйство Тамбовской области: Статистический сб. Тамбов, 1972. С.69; Народное хозяйство Тамбовской области за годы 10-й пятилетки. Тамбов, б.г. С.37, 127; Социально-экономическое положение... С.66.
 13. См.: ГАТО. Ф.Р-3688. Оп. Д.3945. Л.12.
 14. См.: 200 лет Тамбовской губернии и 60 лет Тамбовской области: Историко-статистический сб. Тамбов, 1997. С.108, 120.
 15. См.: Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. С.17; 200 лет Тамбовской губернии... С.112.
 16. См.: Народное хозяйство Тамбовской области за 70 лет. С.19; ГАТО. Ф.Р-3443. Оп.1. Д.873. Л.2.

17. См.: Народное хозяйство Тамбовской области за годы 10-й пятилетки. С.132, 136.
18. См.: Канищев В.В., Мизис Ю.А. Историко-геоэкологическое развитие Тамбовского региона в XVII-XX вв. Современные методы изучения // Население и территория Центра России в прошлом и настоящем. Воронеж, 2000. С.127-129; Канищев В.В. Историческая экология Тамбовской области: первые итоги и перспективы изучения // Третья Вернадская науч.-практ. конф. Учение В.И. Вернадского, музыка С.В. Рахманинова – путь в XXI век. Тезисы докладов и сообщений. Тамбов, 2001. С.94-95.
19. См.: Канищев В.В., Хмель Е.В. Элементы рационального природопользования в хозяйствах крестьян и крупных землевладельцев Тамбовской губернии в 1880-е гг. Сравнительный историко-экологический анализ // Тамбовское крестьянство: от капитализма к социализму (вторая половина XIX – начало XX вв.): Сб. науч. статей. Тамбов, 2002. С.62-74.
20. См.: Дьячков В.Л., Есиков С.А., Канищев В.В. Крестьянская революция 1902-1922 гг. в Тамбовской губернии // Россия в XX в.: Реформы и революции. Т.1. М., 2002. С.216-218.

В.Л. Дьячков

Тамбовский государственный университет

ПРИРОДНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ КАК ФАКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ, XIX – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XX в.

На начальном этапе нашей работы с демографическим учетом, основанной на метрических книгах, с медицинскими наблюдениями и статистикой выяснилось, что метриками нельзя пользоваться без приложения к ним поправочных коэффициентов. Изучение более широкого круга источников позволило выработать такие коэффициенты и стало основой для дальнейшего изучения проблемы [1]. Так, число зарегистрированных рождений и перинатальных смертей требует увеличения как минимум на треть, а полученное число, увеличенное еще на треть, даст представление о реальном количестве зачатий и беременностей, которое превысит, таким образом, число зарегистрированных рождений примерно в 1,8 раза. Интервалы между рождениями детей должны быть сокращены примерно в 1,4 раза. Младенческую же (до 1 года) смертность следует считать примерно на 10% большей зарегистрированной в метриках. Уже этих поправок достаточно, чтобы признать, что у огромного большинства населения – российских крестьян – даже в конце XIX – начале XX вв. не было и не могло быть сознательного планирования семьи, т.е. контроля за временем

вступления в брак, оптимальным количеством детей в семье и соотношением мальчиков и девочек. Природа (не самые благоприятные климат и почвы, низкая до поры плотность населения) обеспечила характер (напряженность при низкой производительности) и сезонный ритм труда, низкие уровни санитарии и сохранности здоровья. Ряд исторических событий дополнительно закрепил крестьянскую жизнь в рамках естественного отбора, биологической борьбы за выживание, а не регулируемого человеком процесса, а так называемая «моральная экономика» была важной частью подобного образа жизни. Крестьянин и в начале нашего столетия оставался по преимуществу биологическим, а не социальным существом, он жил прежде всего как часть биоценоза, а не ноосферы. Пресловутые «бескультурье», «темнота» крестьянина (в вопросах контрацепции, в частности) оказывались вторичными факторами и, главное, неприменимой в науке субъективной оценкой, взглядом из другой – недеревенской, городской – системы жизни.

Крестьянин не мог позволить себе губительного риска и роскоши не вступать или поздно вступать в брак, ограничивать число детей, продлевать интервалы между рождениями детей и т.п. Поэтому крестьяне в огромном большинстве женились как только женский (и в гораздо меньшей степени мужской) организм позволял иметь детей (средний возраст начала месячных у тамбовских крестьянок в 1870-1880-е гг. – 16,3 года). По индивидуальной больничной статистике вплоть до начала XX в. 46% тамбовских крестьянок выходили замуж в течение первого года после начала месячных и еще 20-22% от 1 до 2 лет. Никакие посты и страдальные поры не могли становиться перерывами в почти идеальной годовой волне брачной и половой активности и графике зачатий. «Почти» следует отнести на счет церковного запрета на заключение браков во время Рождественского поста, явно мешавшему крестьянскому циклу первых браков и первых рождений и немедленно преодоленному деревней в ходе революции 1917 г.

В реальной жизни крестьянки беременели сразу, как только это позволял организм женщины. Активность половой семейной жизни крестьян с пренебрежением какими-либо известными деревне способами контрацепции была примерно равной во все времена года с понятным, но небольшим ростом в пору свадеб, в «мясоед» и с еще менее заметным ослаблением в страду. Очередное зачатие происходило как только это позволяло освободившееся от доношенного или недоношенного плода материнское чрево. Если здоровье женщины оставалось в порядке в течение отведенного природой детородного периода (который на деле практически не переваливал за возраст в 40 лет), то она рождала доношенных

детей с интервалом в 12-15 месяцев, рожая за 20-25 лет до 20-22 детей. Точно также самую большую долю – 30-50% – в отчетности родильных отделений занимают «июльско-октябрьские» первородящие, вышедшие замуж за 9-12 месяцев до рождения первенца, в то время как в метриках недоучет растягивал данный интервал в два с лишним раза.

Крестьянской семье тем более нельзя было прибегать к отсрочке браков, контрацепции и ограничивать количество беременностей и рождений, исходя из какого-то предположительно лучшего для хозяйства числа и сочетания пола детей. Беременели и рожали как можно чаще, а те, кто выживали, определяли размеры и хозяйственные возможности крестьянской семьи – вот что могло быть и было единственной, инстинктивной и осознанной демографической стратегией до и послереволюционной (доколхозной и довоенной) российской деревни.

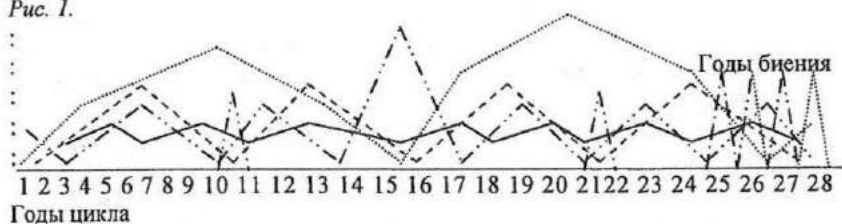
Примат биологического в биосоциальном демографическом поведении русского крестьянства нашел подтверждение в обнаруженной связи колебаний урожайности главных озимых и яровых зерновых и деревенских рождений, прироста населения, динамики числа браков. Сопоставление соответствующих графиков показало, что при всех приводящих вторичных влияниях колебания рождаемости и прироста совпадали, за редкими и тоже регулярными перебивками ритма, с колебаниями урожая в те же самые годы (точнее, в годовые природно-хозяйственные циклы – с апреля по март). Иначе, уровень зачатий, сохранность беременностей, выживаемость младенцев были связаны не столько с состоявшимся, сколько с предстоящим урожаем. Механизм саморегулировался: недостаточная рождаемость при хорошем урожае компенсировалась пониженной смертностью, слишком высокая рождаемость под запрограммированный природой невысокий урожай «снималась» повышенной смертностью. Губительные болезни, эпидемии выступали в данном случае не как горький результат антисанитарии, нищеты и голода, а как необходимый, предусмотренный природой регулятор численности населения.

Дальнейшая работа с демографической и медицинской статистикой вскрыла новые циклические закономерности, что позволило построить сначала упрощенную, а затем уточненную модель 28-летнего цикла, в котором до поры удерживалось развитие популяций человека.

28-летний природно-демографический цикл и его некоторые характеристики

Этот цикл, регулирующий «размножение» человека, был равновесным, включая по 14 (P) и (C) лет (рис. 1).

Рис. 1.

С	Б	Р	Р	С	С	с	Р	Р	Р	С	С	Р	Р	С	С	Р	Р	С	С	Р	Р	С	Р	Р	С	Р	Р	С	Р	Значение
Сну														Сну																
1801	02	04					1807	1809	1811					1814	1816	1818			1821	1823	1825	1828								
1829							1835							1842					1849		1853	1856								
1857							1863							1870					1877		1881	1884								
1885							1891							1898					1905		1909	1912								
1913							1919							1926					1933		1937	1940								
1-й год цикла							7-й						14-й						21-й				25-й		28-й		1-й			
Годы биения в цикле																														

..... — волна рождаемости - - - - - волна смертности
 - - - - - большая волна урожайности ————— малая волна урожайности

Обычные (Р) годы отличались повышениями рождаемости и понижениями смертности, большей долей девочек в числе родившихся и меньшей долей женщин в числе умерших. Обычные (С) годы, наоборот, являли пониженную рождаемость при резко повышенной смертности, с меньшей долей девочек среди новорожденных и большей долей женщин в числе умерших. Строгая симметричность рисунка цикла нарушена в конце второго полуцикла — последние 4 года и первый год цикла становились годами подстройки, биения ритма. Годы (Р) и (С) чередуются на этом участке по одному.

Строгая повторяемость демографических показателей свойственна и легко различимым семилетним фазам цикла. Так, общие приросты мужского и женского населения в первое семилетие меньше соответствующих абсолютных показателей последнего семилетия предшествовавшего цикла, 2-е, 3-е, 4-е семилетия демонстрируют ступенчатое восхождение прироста и новое обязательное падение в начале очередного цикла. Без единого исключения третьи семилетия (15-й — 21-й годы цикла) обнаруживают резкое увеличение доли девочек среди родившихся, а в каждом втором цикле (через 56 лет) эта же фаза сопровождается столь же заметным падением женской смертности. Наша статистика позволяет увидеть

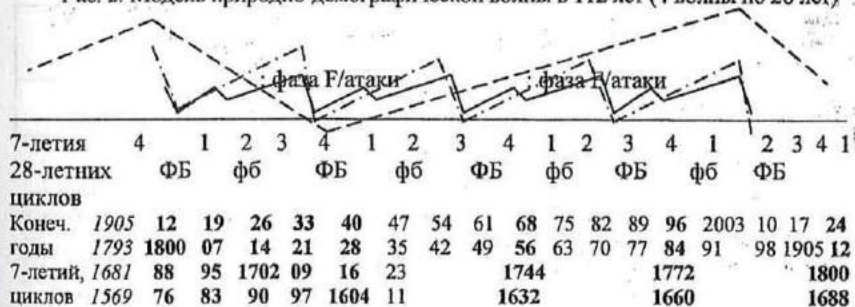
такие «женские атаки» около 1759-65 гг., 1815-21 гг., 1871-77 гг., 1927-33 гг. и 1983-89 гг.

На 7-8-й и на 21-22-й годы цикла приходились совпадения минимумов большой и малой волн урожайности. В демографической статистике цикла это проявилось так: 6-й или 7-й и 21-й (Р) годы отличались не только «законным» скачком рождаемости с повышенной долей девочек среди новорожденных, но и пиками младенческой смертности независимо от степени аграрного перенаселения и силы удара голодом.

112-летняя волна (цикл) и некоторые ее особенности

Структура этого большого цикла, включающая четыре 28-летних цикла, и рисунок волны идентичны характеристикам 28-летнего цикла: как и в 7-летних фазах встроенного «меньшего брата» первая и третья четверти волны в 112 лет содержат «женскую атаку» с более высокими темпами и степенью сохранности прироста, также темпы роста населения и женской доли в нем восходят к максимуму в 3-й и 4-й четвертях, также эта волна в начале нисходящей части имеет фазу биения ритма, в котором как раз и концентрируются «наши» войны, революции и восстания, призванные корректировать рост человеческих популяций (рис. 2).

Рис. 2. Модель природно-демографической волны в 112 лет (4 волны по 28 лет)

Военно-революционная фаза

Демографическая статистика отдельных сел позволяет утверждать, что, по крайней мере, в восходящей части волны, пришедшейся на 1830-1900-е гг., в практически независимой от модернизационных регуляторов деревне росли индексы естественной женской плодовитости. Отношения числа зарегистрированных рождений (крещений) к 1000 женщин в возрасте 16-39 лет в разных по расстоянию от города и социальному происхождению селах представлены в табл. 1. Часть «вины» за рост I_g приходится на известное (см. выше) снижение возраста вступления женщин в

брак, но в основе этого роста лежали не зависевшие от человеческого выбора биологические факторы, приводившие тогда и в предшествовавших 112-летних волнах к скачку численности населения.

Очевидно, что данные демографические циклы активно проявлялись в традиционных и переходных обществах по принципу систем с комбинированными обратными связями и временными задержками.

Таблица 1

**Индекс плодovitости женщин (I_g) 16-39 лет в селах
Тамбовской губернии, 1776-1926 гг.*****

Село/Год	1776	1848	1861	1876	1886	1896	1911	1916	1926
Равво		0,267	0,265	0,289	0,297	0,301			
Большая Липовица			0,341				0,397		
Крюково (3 км от Моршанска)	0,173		0,283				0,282		
Пахотный Угол	0,133	0,227	0,293 (0,307- X ревизия)		0,305		0,338	0,151 (0,359)**	0,257 (0,313)**
Малые Пулки			0,382		0,324*		0,372	0,186	0,264 (,319)**
Божино (9 км от Тамбова)			0,345 (0,363- X ревизия)		0,332		0,433 (0,422 за 5 лет)		
Байловка			0,267 (0,271-X ревизия)		0,361		0,303	0,194 (,206)**	

* Данные о числе крещений за 1879, 1882, 1889 гг.

** В скобках I_g для женщин, для которых в военные годы оставалась «мужская пара»

*** Для определения I_g рассчитывалось среднее число крещений за 3 года около года учета населения, при больших колебаниях числа крещений в (P) и (C) годы – среднее за 5 лет.

**Действия человека в российской природно-демографической
ситуации второй половины XIX – начала XX в.**

Население российской деревни, жившей в рамках экстенсивного рутинного земледелия, росло по впечатляющей и угрожающей экспоненте. Свести эти ножицы роста населения, неизменно низкой продуктивности земледелия при исчерпывании удобных земель можно было (при всех деталях) только одним из двух способов.

Первый – переход к высокопродуктивному интенсивному хозяйству с одновременным сознательным контролем за рождаемостью и планированием семьи. Так, каждый в свое время в зависимости от собственных

рубежей аграрного перенаселения, сделали народы зарубежной Европы с характерным перемещением на Восток дуги этого перехода. В Российской империи признаки роста урожайности, контроля за рождаемостью и планирования семьи (прежде всего, повышение возраста вступления женщин в брак) появились в середине – второй половине XIX в. у сельского населения польских и прибалтийских губерний Западного края. Остальная Россия в силу известных природно-географических и социально-исторических причин не успевала, не могла и не хотела пойти по первому пути разрешения проблемы. Признаков крестьянского сознательно-ограничения рождаемости не было вплоть до 1930-х гг. Практически все случаи ограничения числа рождений в крестьянской семье были связаны с состоянием здоровья женщины или с разрушением семьи. Сохранение крестьянского мира демонстрировало замечательные примеры «быстрого реагирования» на угрожающие изменения хозяйственно-демографической ситуации.

Так, прижимаемая аграрным перенаселением и общинными правилами деревня в течение всего XIX в. не повышает, а понижает возраст вступления крестьянок в брак, приблизив его к биологическому пределу. В метрических книгах все чаще (более всего в конце 1860-х – 1870-е гг., в пике «женской атаки») регистрируются невесты в недопустимом законом возрасте 14-15 лет.

Таблица 2

Возраст вступления крестьянок в брак в некоторых селах Тамбовской губернии (% общего числа браков)

7-летия	16-17 лет и моложе		18-19 лет		в целом до 20 лет	
	Пахотный Угол	Грязнуша	Пахотный Угол	Грязнуша	Пахотный Угол	Грязнуша
1836-42	4,3		30,1		34,4	
1843-49	5,7	18,6	35,0	36,6	40,7	54,2
1850-56	18,6	18,8	58,7	40,9	77,3	59,7
1857-63	9,8	22,6	58,0	51,3	67,8	73,9
1864-70	32,0		61,2		93,2	
1871-77	37,2		51,9		89,1	
1878-84	24,8	46,8	69,1	33,9	93,9	80,7
1885-91		37,3		47,3		84,6
1892-98		29,8		53,8		83,6

XIX в. заложил под Россию и еще одну демографическую «мину» – сочетались низкочастотные биоритмы и некоторое влияние улучшения условий жизни и труда, и с каждой фазой цикла доля женщин в числе родившихся росла, а в числе умерших падала. Параллельно раздвижению границ фертильного периода росла продолжительность жизни женщин. Женщины России неуклонно «догоняли» мужчин, сокращая с начала века

ежегодную разницу в приросте от 80 тыс. до 40 тыс., 20 тыс., 10 тыс., 5 тыс. чел. и, наконец, в пору очередной «женской атаки» во второй половине цикла 1857-1884 гг. мужской прирост уступил женскому. В 1872-1888 гг. в 13-ти годах из 17-ти прирост женщин в православной России оказался больше прироста мужчин. К 1897 г. в губерниях, подобных Тамбовской, мужчины господствовали лишь в старческих возрастах. Более молодые находились в зоне «бабьего царства» – 5 случаев ничтожного преобладания мужчин в 67 первых возрастах (для сравнения: в Калишской губернии Царства Польского, где природа и общество – уже регуляторы роста населения, в 12 из первых 15 возрастов преобладали мальчики).

Таблица 3

Брачная динамика в тамбовских селах в трех 28-летних циклах, 1829-1912 гг. (в %)

7-летия цикла	Браки, невеста старше		Жених 16-17 лет		Браки, ж-2-йк-1-й	Браки, м-2-йк-1-й	Браки вдов-вых	Обо-юдн. 1-е браки	Браки, жених моложе 20
	Б.Липовица	М.Пупки	Б.Липовица	М.Пупки					
1829-35	1,3*		0		0*	8,0*	1,3*	94,7*	44,7
1836-42	13,36	50,7	0		4,6	7,41	4,61	83,6	34,6
1843-49	13,64	55,0	0		2,35	18,6	5,45	85,0	36,8
1850-56	11,92	50,1	0		1,84	9,75	7,7	87,1	36,2
1857-63	8,98	50,5	0,6	3,2	3,14	12,7	9,81	83,28	37,2
1864-70	7,25	37,5	3,6	14,1	2,88	8,13	8,33	88,6	48,2
1871-77	14,29	40,6	5,0	15,7	2,65	14,7	5,7	86,4	43,6
1878-84	10,16	46,7**	1,3	9,5**	0,48	9,25	7,32	88,2	31,3
1885-91	14,54	42,7**	1,8	12,8**	1,66	12,31	6,36	87,27	29,1
1892-98	15,49	47,1***	2,7	4,6***	1,04	4,98	4,69	92,48	26,3
1899-1905	15,48	36,0	4,5	14,7	0,36	6,48	5,16	91,6	34,8
1906-12	12,66	30,1	5,1	12,8	0	7,24	3,8	92,72	29,7
1912-19		26		18,5					

* Данные за 2 года (1834-35); ** Данные за 2 года; *** Данные за 3 года

Первый ответ крестьянского мира с его типом семьи и хозяйства на «женские атаки» был немедленным и весьма характерным – деревня ускоряет гонку в создании необходимой для жизни семьи. Мы уже отметили существенное – на 2-3 года – «омоложение» невест, что вело к появлению на свет «дополнительных» и все более «лишних» 1-2 детей. Циклически возникавший и в целом растущий избыток невест и, соответственно, обострявшаяся нехватка женихов (раньше и ярче это происходило в селах с ограниченными возможностями миграции) заставляют семьи с невестами искать, наперекор модернизации все более молодых женихов. К рубежу веков заметная часть деревенских невест была старше своих «избранников», а определенная доля женихов при их общем небольшом постарении

оказалась «притиснутой» к законному возрастному минимуму. Шансы молодых вдов на «получение» молодого жениха были сведены к нулю. В два с лишним раза снизилась и доля брачных пар, состоящих из вдов и вдовцов, в то время как шансы вдовцов найти молодую невесту неизменно повышались, когда на брачный рынок «поспевали» девушки, родившиеся в периоды «женских атак». Но и вдовцов в силу «женской атаки» в рамках 112-летней волны, поднявшей выживаемость и продолжительность жизни женщин, стало к началу XX в. в 2-3 раза меньше.

Такие приемы самосохранения крестьянского мира лишь ускоряли темпы прироста населения в беге деревни к катастрофе аграрного перенаселения. Избыток невест оказывался существенной составляющей проблемы «лишних людей» и одним из долговременных источников стресса для крестьянских семей. Наша демографическая статистика позволяет оценить значение данной «женской» составляющей как на микро-, так и на макроуровне. Статистика отдельных сел позволяет высчитать число доживших до брачного возраста поколений каждого года рождения. Так, в Б.Липовице в поколении, родившемся 1806-1832 гг. и дожившем до 16 лет, дефицит невест составил 136 чел. при средних 80 браках в год в 1820-1840-е гг. Но уже 8 лет восходящей части волны 1833-40 гг. рождения к 1850-м гг. дадут 120 «лишних» невест при средних 90 браках, т.е. с той поры и до начала XX в. каждой шестой-седьмой невесте не могло достаться жениха ни в своем и последующем, а скоро и в предшествующем поколении. В масштабах Тамбовской губернии к началу 1897 г. избыток деревенских плодovitых женщин по поколениям окажется следующим (%): 1855-59 гг. рождения – 7,4%, 1860-64 – 5,9%, 1865-69 – 9,7%, 1870-74 (пик «женской атаки» в сочетании с призывом мужчин в армию) – 26%, 1875-80 – 14%. В абсолютных цифрах на момент переписи в тамбовском селе у 69344 из 508172 (каждой седьмой) женщин в возрасте 16-41 года не было брачного партнера. Казалось бы, чем не регулятор роста населения при эксплуатации парной семьи, только в конкретных российских социокультурных условиях и традиции эти «лишние» женщины в деревне и в городе не оставались бездетными.

В то же время – до и долгое время после революции 1917 г. – урожайность главных полевых культур в крестьянских хозяйствах в собственно российских губерниях почти не росла. Возможности экстенсивного земледелия в Европейской России таяли с каждым годом. В результате в середине 1870-х – начале 1880-х гг. самые населенные российские губернии перешли рубеж аграрного перенаселения, развивая второй, «русский» вариант выхода из угрожающей ситуации.

Не менять модели демографического поведения и продолжать существование по привычкам и правилам экстенсивного низкопродуктивного хозяйства деревня могла, лишь (и то очень недолго со времени обозначения признаков кризиса) сокращая потребление и число размножившихся ртов. В частности, объективными и вполне сознательными мерами были пренебрежение здоровьем и жизнью ребенка и взрослого, аборт и даже умерщвление нежелательных младенцев или отправка их в городские приюты. Такие «дикие» на городской взгляд способы пользовались особой популярностью, когда каждые 14 лет сильные (Р) годы накладывались на двойной минимум урожайности.

Самым простым, привычным и главным клапаном сброса давления аграрного перенаселения были стихийные и направляемые властью и помещиками миграции. До поры выручали внутрорегиональные миграции, проходившие в основном к югу и востоку от европейского центра страны по характерным дугам, параллельным известной линии Хайнала. Наложение истории возникновения населенных пунктов той же Тамбовской губернии на ее карту показывает как ритмично по мере наполнения людьми в накате 112-летней волны перенаселенный район в XVII – первой половине XIX вв. выталкивал земледельцев в новую полосу к югу и юго-востоку края. Но ко второй половине XIX в., ко времени очередного и сильнейшего скачка прироста населения возможности внутрорегиональной миграции были исчерпаны. Городским «советчикам», властям казалась, а для многих крестьян стала спасительной дальняя миграция в азиатскую часть империи. Но могла ли она увести от уже видимой катастрофы? Так, за 10 лет в 1906-1915 гг. из губернии выехало на Алтай, Дальний Восток и т.п. около 100 тыс. крестьян, что было немногим больше годового прироста населения губернии в 1908, 1910 или 1912 гг.

Определенная часть десятков и сотен тысяч лишних невест потянулась в последней трети XIX в. в новые и растущие женские монастыри. И все-таки самым исторически привлекательным оказывалось передвижение крестьян в город, где хотя и мучительно, но крестьяне переходили к современной модели демографического поведения [2].

Самое же главное проявление связи природно-демографического, социального, экономического, политического факторов россиянина второй половины XIX в. и российских революций начала XX в. заключалось в воспроизводстве тех, кто стал активным человеческим материалом для «военно-революционной» фазы 1904-05 – 1945 гг., в ходе которой была сломана традиционная демографическая модель.

Борьба природы с российской моделью демографического развития в последней четверти XIX – первой половине XX в.

Сохранение биологической доминанты в демографическом поведении большинства россиян и их запредельное «размножение» при исчерпании удобных свободных земель и неизменной циклической урожайности резко нарушало природное равновесие. Прежний арсенал «смертных» приемов (эпидемии, повышения младенческой смертности, войны, голодовки), встроенных в циклические (С) годы все хуже справлялся с растущим приростом. Так, например, в Тамбовской губернии 1812-14 гг. (С) сократят прирост в 2-2,5 раза по сравнению с предшествовавшими и следовавшими (Р) годами, через 28 лет в 1840-42 гг. смертность будет выше рождаемости, но в следующем цикле только холерный 1871 г. оставит минимум прироста, еще слабее будет смертное воздействие 1896-98 гг. – только 1898 г. сократит прирост в 2 раза.

Борясь с недопустимым демографическим поведением россиян, природа с последней четверти XIX в. применяет комплекс мер, направленных на сохранение баланса в биоценозе. Одной из таких мер было распространение в зонах аграрного перенаселения новых эпидемических и иных заболеваний на подмогу и на смену терявшим «убойную» силу холере, тифам, оспе, дизентерии, скарлатине и т.п. На несколько десятилетий в лидеры выходят сифилис, малярия, туберкулез, грипп, дифтерит, сердечно-сосудистые и онкологические заболевания. Особую демографическую роль играл сифилис. Он имел все бытовые и психологические основания к широчайшему распространению, выглядел несмертельным, став уже в 1880-е гг. главным фактором роста женского и мужского бесплодия, числа выкидышей и мертворожденных. Заметно растет число и доля гинекологических заболеваний, ухудшается общее состояние здоровья россиян, включая антропометрическую деградацию и заставляя врачей все громче и настойчивей говорить о вырождении населения.

Циклические совпадения минимумов урожайности, захватывавшие сначала 21-й (Р) год, а затем и 6-7-й (Р) годы, обеспечивают при развитии перенаселения все более страшные голодовки с резким ростом младенческой и детской смертности. 1793 и 1821 неурожайные (Р) годы подняли смертность и сократили прирост в 1,5-2 раза, 1848-49 гг. дали резко отрицательные значения прироста, заметно повысилась смертность и в 1876-77 гг., а далее каждые 14 лет (в 1891-92, 1905-06, 1919-21, 1932-34, 1946-47 гг.) окончание сильных (Р) фаз будет накрываться тяжелейшими неурожаями, действие которых в XX в. будет синергетически усилено и другими известными факторами.

Другими свидетельствами борьбы природы с российским типом «размножения» в конце XIX – начале XX в. являются рост в 1,5-2 раза доли выкидышей, мертворожденных и младенческой смертности вопреки очевидному прогрессу здравоохранения. Тогда же началось и неуклонное в течение десятилетий уменьшение доли женщин в числе родившихся и их сохранности так, что в России к переписи 1959 г. мужчины первенствовали уже в 27 первых возрастах, причем, чем острее были демографические проблемы в том или ином регионе, тем раньше запускался механизм вытеснения женщин.

Наконец, важнейшим смертным регулятором были войны, до поры точно встроенные по характерной волне цикла в (С) годы и особенно в тяжкие для живой природы годы биения. С затухания к 1830-м гг. «военно-революционной» фазы 112-летней волны и до русско-японской войны демографическое воздействие войн будет ничтожным на фоне гигантского роста населения. 28-летний цикл 1913-40 гг. откроется совсем иной по количеству и качеству потерь первой мировой, продолженной в несколько раз более убойной гражданской войной, дополненной эпидемиями, голодом и репрессиями.

Гражданская война и последующие средства массового уничтожения населения имели и характерную «привязку к местности». Самые насыщенные, «убойные» события 1918-22 гг., включая крупнейшие крестьянские восстания и голод, разместились в весьма ровной полосе шириной около 800 км, протянувшейся с северо-востока на юго-запад от Урала и юга Западной Сибири через Поволжье, юго-восток Черноземья и Дон на Левобережную Украину, Новороссию, Крым и Кубань. В этой полосе полностью или частично оказались 20 губерний и областей, в которых проживало к 1917 г. 40% населения Российской империи. Уезды и села Тамбовской губернии, оказавшиеся внутри полосы, стали зоной и центрами восстаний 1918-21 гг., родиной их вождей. Они же понесли и самые крупные демографические потери (в основном мужчин и детей) от репрессий, болезней, голода, распада семей и миграций.

Продолжая начатое демографическое «регулирование», цикл 1941-68 гг. откроется невероятно смертной для человеческого здравого смысла, но понятной в ее природном предназначении Великой Отечественной войной. Войны «военно-революционной» фазы XX в. с нарастающей силой удара не только «вынесли» из демографической пирамиды десятки миллионов мужчин и женщин в производящих возрастах. Они обеспечили резкое снижение рождаемости и невозможность создания семьи тогда, когда на тысячу плодovitых женщин оставалось по двести-триста мужчин, и обратные демографические волны в будущем.

Наконец, самое удивительное. Сопоставление довоенных и послевоенных соотношений численности россиян, родившихся в циклические (Р) и (С) годы и захваченных участием в крупнейших войнах первой половины XX в., сравнение подобных данных переписей 1926, 1939 гг. и статистики «Книг Памяти» раскрывает несколько связанных закономерностей. Во-первых, наибольшие не только абсолютные, но **относительные** потери понесли те регионы, где проблемы аграрного перенаселения были наиболее острыми. Во-вторых, наибольшие **относительные** потери понесли поколения россиян, родившихся в пору самых высоких дореволюционных циклических подъемов рождаемости и прироста. Так, гражданская война в наибольшей мере выбила тех, кто родился в 1898-1902 гг., хотя ее самые активные участники родились с известными циклическими «сгущениями» в 1881-97 гг. В Великой Отечественной войне наиболее выбитыми оказались 1907-14 гг. рождения, хотя ее «активисты» в большинстве своем родились в 1918-25 гг. В-третьих, каждый (Р) год рождения понес **относительно** большие потери, чем соседние (С) годы. Этот факт, поразительный для человеческого здравого смысла и понятный с точки зрения задач борьбы природы с недопустимым для нее хозяйственно-демографическим поведением россиян, уже замечен при анализе демографических последствий первой мировой и гражданской войн, когда степень сохранности мужчин, родившихся в (Р) годы, сблизилась с показателями (С) лет. В годы же Великой Отечественной войны каждый (Р) год понес потери в 1,2-1,5 раза большие, чем ближайшие к нему (С) годы. Природа таким образом как бы срезала циклические подъемы прироста в (Р) годы, выравнивая и сбивая его круто восходящую кривую. Подобное демографическое воздействие раскрывают и первые подсчеты жертв массовых репрессий 1930-х гг., число и структура которых также не до конца и плохо объясняется одной тогдашней политической, экономической и бытовой логикой.

Есть и другие доказательства вполне определенных стремлений и достижений природы в борьбе с россиянином. Уже говорилось, что одним из природных демографических регуляторов являлось повышение и поддержание на высоком уровне младенческой и детской смертности. Данные по отдельным селам и Тамбовской области в целом показывают, как строго циклически и на сколь высоком уровне поддерживалась в 1920-1940-е гг. детская смертность (до 55% родившихся в максимуме, 17-19% – в минимуме). Но, добившись желаемого демографического результата, сразу после войны природа прекращает действие этого смертного регулятора (5-9% – максимум, 0% – минимум для 1946-1950 гг.) хотя

уровень государственного здравоохранения в селе в 1945-48 гг. вряд ли сколько-нибудь повысился по сравнению с довоенным временем.

Ну, а что же наши социальные, культурные, модернизационные регуляторы XX в.? Переходу к интенсивному высокопродуктивному земледелию при жизни крестьян как социального слоя так и не дано было состояться. Войны, революции, социальные чистки разрушили, вымыли самую развитую, активную и трудоспособную часть села и предельно усилили демографический удар в пору циклических неурожаев. Вплоть до 1960-х гг. черноземная деревня сохраняла традиционную урожайность зерновых – не более 10 ц.

До середины XX в. слишком малой оставалась и доля крестьян, сознательно регулировавших (ограничивавших) собственную плодovitость. Во всяком случае, деревенские «мемуаристы» не могут припомнить случаи предупреждения нежелательной беременности, практически единственным средством борьбы с данным «несчастьем» оставались аборты. Соотношение рождений и браков в довоенное время оставалось почти подореволюционному высоким, и его небольшое снижение было следствием не нормального планирования семьи, а известными переломными событиями 1917-40 гг., уничтожавшими и изгонявшими из деревни молодую, плодovитую часть крестьянства. Обвал этого показателя начнется в годы Великой Отечественной войны и завершится в первые послевоенные 7-летия цикла, когда невозможность создания полной семьи соединится с распространением в деревне ее городской модели.

Деревенские невесты также не спешили «стареТЬ». Начало XX в. принесло некоторое модернизационное повышение возраста замужества, но оно не стало принципиальным – до первой мировой войны 75-80% всех браков приходилось на крестьянок моложе 20 лет. И в этом радикальным регулятором выступили не осознанный выбор и планирование семьи, а войны и государственные социальные чистки 1917-45 гг., которые убивали или на долгие годы отнимали женихов и молодых мужей.

Итак, не видя знаков перехода россиян к сознательному планированию семьи, к контролю рождаемости и к высокопроизводительному интенсивному земледелию, природа в последней четверти XIX в. запускает в России комплексный механизм демографической катастрофы, который к концу 1940-х гг. стал главным орудием в сломе российской демографической модели и в сочетании с модернизационными социальными факторами, поставил страну на путь к социально-демографическому коллапсу – закономерной и необходимой составляющей процесса распада российской системы замкнутого типа.

1. См.: Метрические книги сел Арженка, Байловка, Борщевка, Б. Липовица, Грязнуша, Калугино, Кермись, Крюково, М. Пупки, Пахотный Угол, Рассказово, Сосновка Тамбовской губернии (области) за 1758-1999 гг., хранящиеся в фондах ГАТО и отделе ЗАГС п.г.т. Сосновка; Ежегодные губернаторские отчеты по Тамбовской губернии за 1861-1913 гг. (ГАТО. Ф.4); Л. Бессер, К. Баллод. Смертность, возрастной состав и долговечность православного населения обоого пола в России за 1851-1890 гг. СПб, 1897; П.Богданов. К статистике и казуистике болезней половых органов у крестьянок Кирсановского уезда // Медицинское обозрение, 1889. №7; Сборник материалов для описания Тамбовской губернии / Сост. Л. Восйков. СПб., 1872; Книга Памяти Тамбовской области. Т.1-10. Тамбов, 1985-1999; Материалы переписей населения 1926, 1939, 1959, 1970 гг.; В. Никольский. Состояние здоровья и болезненность населения Тамбовского уезда. Тамбов, 1885; Отчеты Тамбовской губернской земской больницы за 1895-1913 гг. Тамбов, 1896-1914; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.42. СПб., 1904; Свод урожайных сведений за годы 1883-1915. М., 1928 и др.
2. Подробно о последствиях массовых стихийных миграций в города крестьян см.: Дьячков В.Л. Деревня, город, государство и российские революции // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. науч. статей. Тамбов, 2001.

В.Л. Носевич

Белорусский государственный университет

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ РОСТ В БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

На протяжении 1860-1910-х гг. в белорусских губерниях Российской империи происходил значительный рост населения. Этот процесс представлял собой первую фазу *демографического перехода* (*demographic transition*), наблюдаемого во всех странах мира при переходе от традиционного типа воспроизводства (баланс на основе высокой рождаемости и высокой смертности) к современному (низкая рождаемость и низкая смертность). В классической, многократно описанной форме [1] такой переход обычно характеризуется разрывом в темпах снижения обоих показателей. Благодаря совершенствованию медицинского обслуживания

ка, как «альтернативность», но в существование альтернатив в русском народном семейном воспитании верится с трудом.

47. Цит. по: Там же. С.22.

48. Высказывание принадлежит выдающейся исследовательнице, автору концепции андрогинии в американской психологии С.Бэм. См.: Bem S. The measurement of psychological androgyny // Journal of Consult. and Clinical Psychology. 1974. V.31. P.634-643.

В.В. Канищев, Р.Б. Кончаков,

Ю.А. Мизис, Э.А. Морозова

Тамбовский государственный университет

СТРУКТУРА КРЕСТЬЯНСКОЙ СЕМЬИ. ТАМБОВСКАЯ ГУБЕРНИЯ, XIX – НАЧАЛО XX в.*

В достаточно широкой отечественной историографии крестьянской семьи основное внимание уделялось подробной констатации наличия в дореволюционный период патриархальной большой семьи, зачастую без специального анализа изменений ее структуры уже в рамках аграрного общества [1]. Между тем, изучение строения семьи в мировой исторической демографии имеет целью выяснение одного из важнейших показателей модернизации общества, перехода от традиционной большой семьи к малой простой семье. В некоторых работах западных ученых, в частности, в широко известной статье Д. Хайнала (J. Hajnal) научное изучение проблемы превратилось в пропаганду достижений западно-европейского общества. Народы, долго сохранявшие большую семью, хотя напрямую и не называются неполноценными, но явно подразумеваются таковыми [2]. Стремление доказать по-европейски нормальное, только запоздалое движение от традиционной семьи к современной в имперской России просматривается в фундаментальной работе Б.Н. Миронова [3].

Следуя принципу объективности, мы стремились отказаться от подобной, по-своему идеологической заданности, максимально учесть особенности модернизации русской крестьянской семьи.

С точки зрения методов главное внимание уделялось микроанализу ревизских сказок и других переписей населения с помощью ЭВМ. Такой анализ позволяет «снизу», путем изучения конкретных семей увидеть многие процессы, не заметные в работе с агрегированными данными.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ (грант №01-01-78002а/В).

Главным источником для нас послужили материалы 7-10-й ревизий нескольких сел Тамбовской губернии, различных по внутрисословному составу крестьянского населения. Несмотря на некоторую неполноту информации, по каждой из ревизий представлено большинство семей изученных населенных пунктов. Сотни семей с точки зрения статистики являются надежной выборкой для структурного анализа.

Источник содержит списки всех членов каждой податной семьи отдельного населенного пункта или владельца (у помещичьих крестьян) с указанием главы семьи и степени родства с ним остальных членов на момент предыдущей ревизии и с указанием изменений к моменту текущей ревизии (смертей, миграций, призывов в рекруты). Эти материалы позволяют просчитать такие важнейшие показатели, как количество членов семей и их типологию в зависимости от сословия, населенного пункта или владельца.

Главный недостаток ревизских сказок как источника изучения семьи заключается в том, что в качестве семьи фиксировалось отдельное крестьянское домохозяйство (двор), которое могло быть формальной большой семьей, а фактически делиться на несколько самостоятельных мелких семей. В дореформенной России власти и помещики препятствовали семейным разделам. Но насколько соблюдался этот запрет в реальной жизни, выяснить сложно. Поэтому мы вынуждены принимать равенство двора и семьи, делая оговорки там, где это возможно. Исключительный случай являют домохозяйства рассказовских однодворцев, в которых четко выделены семьи их дворовых людей.

Для выявления истинной структуры семьи нужно привлекать другие виды источников, содержащие сведения о составе семей. Одним из таких источников являются исповедальные ведомости. Пока нами введены в ЭВМ и проанализированы данные о семьях разных категорий крестьян, пришедших на исповедь в отдельных приходах с. Рассказово в 1811, 1823, 1832, 1843 гг. Временная близость и структурное сходство отдельных исповедальных ведомостей и ревизских сказок позволяет сравнивать два источника и уточнять параметры конкретных семей.

Изучение структуры крестьянских семей второй половины XIX – начала XX в. имеет больше проблем с источниковой базой, чем применительно к предыдущему периоду. С завершением ревизий в конце 1850-х годов российское правительство почти 40 лет не проводило всеобщих переписей населения. Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. оказалась недостаточно подходящей для наших задач, т.к. первичные материалы обследования, содержавшие сведения о конкретных семьях, по инструкции Центрального Статистического Комитета подлежали унич-

тожению. Опубликованные материалы переписи 1897 г. позволяют изучать средние размеры сельских домохозяйств только на уровне уездов. Средние размеры домохозяйств у крестьян-общинников и хуторян по отдельности можно вычислить на основе поуездных данных сельскохозяйственной переписи 1917 г., которая учла численность крестьянского населения и число дворов.

Первичные данные о семьях крестьян второй половины XIX – начала XX в. носят спорадический и разнородный характер. В какой-то мере оказались пригодными материалы подворных переписей 1880-х годов, проводившихся Тамбовским губернским земством. В них содержались сведения о количестве едоков и ревизских душ по дворам с указанием фамилии и имени главы хозяйства. Это позволяет рассчитать средние размеры дворов. Некоторую демографическую информацию содержат земские материалы с прошениями о пособиях жен призванных из запаса солдат периодов русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и русско-японской войны 1904-1905 гг. Для решения вопроса о выдаче пособия волостное правление проводило обследование имущественного положения солдатских семей, в которых также содержалась демографическая информация.

Тамбовские историки продолжают поиск первичных материалов о крестьянских семьях второй половины XIX – начала XX в., а также разработку методов извлечения из источников косвенных сведений о структуре конкретных семей крестьян.

Таблица 1

**Средний размер населения ревизских дворов отдельных сел
Тамбовской губернии в 1816-1858 гг.**

Населенные пункты	Тип поселения	Население	1816	1834	1850	1858
Малые Пупки	Земледельческое	Гос. крестьяне	8,3	11,3	15,0	14,0
Калугино	Земледельческое	Гос. и помещ. крестьяне	8,9	—	10,8	
Байлозка	Земледельческое	Помещ. крестьяне	7,6	7,3		7,0
Расказово	Торгово-промышленное	Разные категории крестьян	6,6	7,1	—	6,7
Расказовские выселки	Земледельческие	Гос. крестьяне	—	12,8	13,5	14,2

Таблица показывает, что в традиционных земледельческих селах крестьяне в целом сохраняли большие дворы-семьи. Более того, у государственных крестьян реформа П.Д. Киселева способствовала консервации большой ревизской семьи и росту ее размеров почти в 2 раза. Это особенно проявилось в чисто государственных с. М. Пупки и Расказовских выселках.

В чисто же владельческой Байловке очевидной была тенденция к сокращению размеров семьи, что, вероятно, было связано с кризисом крепостной деревни.

Калугинские показатели дают нечто среднее между малопуповскими и байловскими, видимо, отражая проживание в селе и государственных, и помещичьих крестьян.

В торгово-промышленном с. Рассказово уже в начале XIX в. семьи крестьян были заметно меньше, чем в чисто земледельческих селах.

Однако средние показатели по населенным пунктам в целом не совсем корректны. Так, по Байловке, Калугино и Рассказово нужно учитывать проживание в них разных категорий крестьян, структура семей которых имела отличия.

Таблица 2

Средние размеры ревизских семей Байловки и Калугино по внутрисловным группам в 1811-1858 гг.

Группа	Год									
	1811*		1816		1834		1850		1958	
	Б.**	К.**	Б.	К.	Б.	К.	Б.	К.	Б.	К.
Помещичьи крестьяне	7,3	8,2	8,3	—	7,4	—	6,9	9,2	6,5	—
Дворовые крестьяне	3,6	3,5	3,0	—	3,3	—	6,1	4,8	4,4	—
Государственные крестьяне	—	—	—	8,9	—	—	—	—	—	—

Примечание.

* Данные по 1811 г. вычислены приблизительно: полученное по ревизским материалам среднее число мужчин на семью увеличено почти в два раза с учетом примерного равенства числа мужчин и женщин в традиционных селах.

** Б. — Байловка, К. — Калугино.

Сведения о семьях государственных крестьян Калугино за 1816 г. близки соответствующему показателю с. М. Пупки, что позволяет говорить о типичности размеров семьи данной категории крестьянства в наших селах. Байловские данные о семьях помещичьих крестьян показывают, что именно они определяли существенное сокращение средних размеров семьи в селе в целом. Однако калугинские материалы о семьях помещичьих крестьян дают несколько иной результат: средняя людность этих семей в 1811-1850 гг. не уменьшалась. Для объяснения таких неоднозначных процессов нужно сравнение с другими населенными пунктами, о чем речь пойдет чуть ниже. Особую тенденцию демонстрируют семьи дворовых людей. В Байловке в целом за первую половину XIX в. их размеры выросли на четверть. Примерно такая же картина наблюдалась и в Калугино. Возможно, к середине века помещики и их управляющие стали меньше запрещать дворне создавать семьи.

Таблица 3

**Средние размеры ревизских семей отдельных сословий
с. Рассказово и Рассказовских выселок**

Сословие/Год	1816	1834	1850	1858
Помещичьи крестьяне	7,0	7,2		8,0
Однородцы		12,8	13,1	15,2
Удельные крестьяне			13,3	17,3
Мастеровые крестьяне	5,1			6,3
Дворяне	4,1	3,9		4,8
Крепостные государственных крестьян		4,3		5,0

Таблица 4

**Средние размеры исповедальных семей
с. Рассказово и Рассказовских выселок в 1811-1832 гг.**

Сословие/Год	1811	1823	1832	1843
Дворяне		3,6		
Однородцы		6,5		
Помещичьи крестьяне	8,3	7,3	7,9	
Удельные крестьяне				7,3
Общий итог	7,9	6,4	7,0	7,3

Совместное изучение ревизских сказок и исповедальных ведомостей показало, что у наибольшей группы населения с. Рассказово – помещичьих крестьян – размеры семей оставались на протяжении 1810-1840-х гг. сравнительно высокими и устойчивыми – колебания в диапазоне 7,0-8,0 чел. в среднем. Но они были заметно меньше, чем у государственных крестьян земледельческих Рассказовских выселок. Вместе с тем отразившиеся в исповедальных документах средние размеры семей однородцев – 6,5 чел. (1823 г.) и удельных крестьян – 7,3 чел. (1843 г.) наводят на мысль о том, что реальные семьи этих категорий крестьян были меньше, чем зафиксированных в официальных ревизиях дворохозяйств.

Средние размеры семей помещичьих крестьян Рассказова близки к байловским показателям. Видимо, единым для двух сел условием была уже явная к середине XIX в. нехватка земли. В Калугино, где семьи помещичьих крестьян были заметно больше, земельный фонд к этому времени еще не был исчерпан. Примерно такие же показатели размера семьи имели крестьяне владельческого с. Каменка, расположенного недалеко от Калугино в не полностью освоенной степной части губернии [4]. Близкий показатель получил и американский историк С. Хок, изучавший с. Петровское, расположенное в той же части Тамбовской губернии [5].

На протяжении всей первой половины XIX в. средний размер семьи мастеровых крестьян с. Рассказово (5,6 чел. за период в целом) был за-

метно ниже в сравнении с другими категориями крестьян. Можно предполагать какое-то влияние индустриализации на эту группу крестьянства.

Семьи рассказовских дворовых людей помещиков и государственных крестьян, имели также небольшие размеры – 5,7 чел. и 4,4 чел. в среднем за период. Это отражало деформированность таких семей запретами хозяев на браки многих представителей дворни. Среди 15 одиноких дворовых, учтенных переписями 1816-1858 гг., только 5 были детьми, остальные взрослыми бессемейными людьми, что составляло 12,3% от всех семей дворовых. Такой относительно высокий процент не вступавших в брак был неестественным для крестьянского общества (для сравнения отметим, что процент безбрачия в семьях помещичьих и мастеровых крестьян не превышал 1%). Он может быть объяснен только запретами на браки для дворни. Величина семей дворовых людей в Рассказове, в отличие от Байловки и Калугино, в первой половине XIX в. почти не росла, что говорит о сохранении помещичьих запретов на браки своей дворне.

В таблицы не включены малочисленные группы населения, которые специально не учитывались ревизиями, но записывались в ревизские сказки либо для общего учета населения, либо поддаются вычислению по изменениям между ревизиями. Так, в 1850-е гг. 47 семей бывших мастеровых крестьян Рассказова стали вольноотпущенниками и в 1858 г. их семьи насчитывали в среднем 5,6 чел., явно ниже среднего для села показателя. Также к 1858 г. 28 семей бывших мастеровых Рассказова записались в мещане Тамбова, но жили в родном селе. В 1858 г. средний размер их семей составил 6,3 чел., что также меньше показателя для села в целом. Снижение среднего по сравнению с традиционным размера семьи у мещан вполне объясняется их переходом к торговой или ремесленной деятельности.

Наиболее явные следы деформации до 1850-х гг. несли семьи солдат, находившихся на службе. Ревизские семьи солдаток насчитывали 3-4 чел., а в исповедальных ведомостях вообще встречаются только одиноко проживающие солдатки или солдатские дети. При этом ревизские семьи оставших солдат к середине XIX в. явно росли (в 1850 г. средний размер – 5,5 чел., 1858 г. – 9,0 чел.), что можно связать с сокращением срока рекрутской службы и большим разрешением им встречаться с женами в период службы.

Ценность результатов микроанализа возрастает при сопоставлении их с агрегированными данными более высокого уровня. С одной стороны, это позволяет определить специфику объектов микроанализа, соответствие их типичным показателям своего региона, страны в целом; с

другой стороны, разбросы показателей конкретных населенных пунктов, разных сословий и внутрисословных групп, отдельных домохозяйств и семей показывают реальную пестроту социальной жизни в отличие от во многом абстрактных средних показателей.

Так, анализ данных 1862 г. по крестьянским дворам Тамбовской губернии в целом показал средний размер крестьянского двора в 8,3 чел. В изучаемых нами селах он несколько отличался либо в большую, либо в меньшую стороны. В Байловке, Калугино, Рассказово эти отклонения находились в интервале от $-0,8$ до $+1,2$ чел., что в принципе не меняет общей картины с размерами семей в этих населенных пунктах и не влияет на вывод об их традиционно большой численности.

Вместе с тем цифры списков по этим селам очень заметно отличаются от данных ревизии 1858 г. В Байловке при небольшом росте населения в 1862 г. зафиксировано на 20% дворов меньше, чем по последней ревизии. В связи с этим средний размер семьи оказался на 2,4 чел. больше. В Калугино наблюдалась обратная картина. Здесь через 12 лет после ревизии 1850 г. зафиксировано на 50 с лишним процентов дворов больше, что дало средний размер семьи в 1862 г. на 3,3 чел. меньше. Такие противоречия в цифрах скорее всего объясняются разной методикой ревизского и чисто административного учета.

Ревизии в качестве одной из главных целей имели фиксирование и укрепление крупных, платежеспособных крестьянских семей, хотя реально эти семьи могли делиться на несколько. С другой стороны, в ревизских сказках в качестве самостоятельных домохозяйств учитывались выморочные «осколки» семей предыдущих ревизий, которые часто состояли из малых детей или стариков, не способных вести свое хозяйство. Следует также учитывать, что семьи дворовых людей, которые записывались в сказки как домохозяйства, фактически не были таковыми, а проживали в господской усадьбе.

Административные списки населенных пунктов, видимо, учитывали реально существующие дворы. В Байловке в 1862 г. таковых оказалось меньше, чем семей по последней ревизии, поскольку многие семьи дворовых людей не имели дворов. Обратная ситуация в Калугино может быть объяснена учетом в списках реально раздельного проживания части семей государственных крестьян, числившихся по ревизии едиными большими дворами.

Особенно такая ситуация проявилась в 1862 г. в Малых Пупках. Население села, по данным ревизии 1858 г. и списков 1862 г., было почти одинаковым, но количество дворов, указанных в двух источниках принципиально отличалось — 255 и 863. Поэтому при определении среднего

размера населения двора оказалось, что в 1862 г. он составлял 4,2 чел. или в 3 с лишним раза меньше, чем по последней ревизии. Вполне резонно предположить, что данные списков отразили фактически раздельное проживание многих малых семей, которые, по данным ревизского учета, числились в составе официальных больших дворов-семей. Данные ревизии 1858 г. зафиксировали 1086 малых семей. Немалая часть их них могла быть самостоятельными домохозяйствами. С другой стороны, очень существенное отклонение среднего размера семьи в Малых Пупках от общегубернского показателя и показателей других сел говорит о том, что представленные в списке 1862 г. домохозяйства этого села маловаты для типичных крестьянских семей. Вероятно, что составители списков считали в этом селе не дворы в смысле домохозяйств, а отдельные жилые дома, которых могло быть несколько в одном домохозяйстве.

Вместе с тем, в не меньшем, чем М. Пупки, с. Рассказово и Рассказовских выселках данные о среднем размере семьи по ревизии 1858 г. и по спискам 1862 г. почти совпали, что, видимо, говорит не только о разнотипности ревизского и административного учета, но и о разном качестве его проведения в разных населенных пунктах.

Изучение общегубернских материалов 1862 г. показало и еще одну особенность избранной нами группы объектов. В целом по губернии средние размеры дворов помещичьих крестьян оказались на 0,3 чел. больше, чем у государственных. Приводимые ревизские данные по изучаемым нами селам представили обратную картину, что еще раз наводит на мысль о преувеличенных чиновниками, проводившими подушную перепись, размерах ревизских семей государственного крестьянства.

Усредненный размер крестьянской семьи Тамбовской губернии в середине XIX в. примерно в 8 чел., видимо, соответствовал оптимуму для крестьянского хозяйства земледельческой полосы России этого периода. При наличии в крестьянских семьях 4-5 выживших детей и соответственно 3-4 взрослых сохранялось нормальное число и соотношение едоков и работников. В средней семье в 8 чел. должно было быть 4 среднестатистических мужчины-получателей земельных наделов. Именно 4 надела на двор считались оптимальными для Тамбовской губернии.

Однако реальная жизнь была значительно сложнее и далека от оптимальных норм. Конкретные данные по нашим селам говорят, что отклонения от среднего оптимального размера семьи и соотношения едоков и работников были существенными. Поэтому реальные семьи всегда и везде жили по-разному.

Наиболее синтезированным показателем семейной структуры населения является распределение семей по типам. В классическом виде ти-

пология крестьянской семьи была разработана английским историком П. Ласлеттом (P. Laslett [6]). В нашей статье использована типология П. Ласлетта, приспособленная к специфике российского материала С. Хоком [7].

Таблица 5
Типы крестьянских семей с. М. Пупки в первой половине XIX в. (в %)

Тип семьи/год	1816	1834	1850	1858
1.1. Одиноким вдовцы	1	0,5	2	3
1.2. Одиноким (неизв. брачный статус)	3	3	—	1
2.1. Несемейные кровные родственники	2	0,5	0,5	—
2.2. Др. родственники, живущие вместе	1	0,5	0,5	1
3.1. Супружеская пара	1,5	3	2	2
3.2. Супруги с детьми	24	9	10	8
3.3. Вдовцы с детьми	2	0,5	0,5	2
3.4. Вдовы с детьми	0,5	—	2	1
3.5. Солдатки с детьми	0,5	0,5	—	—
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	2,5	4	3	3
4.2. Супруги с детьми и племянниками	1	1	—	1
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	3	2	4	3
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	4	6	2	1
4.5. Неясные связи	—	2	—	—
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатыми детьми и внуками	—	—	—	—
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	18	20	16	18
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	6	4,5	7	4
5.4. Семьи братьев/ сестер с женатыми и неженатыми детьми	—	—	0,5	2
5.5. Прочие типы расширенных семей	30	43	49	50

Таблица 6
Типы крестьянских семей с. Байловка в первой половине XIX в. (в %)

Тип семьи/год	1816	1834	1850	1858
1.1. Одиноким вдовцы	1	1	2	3
1.2. Одиноким (неизв. брачный статус)	3	3	—	1
2.1. Несемейные кровные родственники	2	1	1	—
2.2. Др. родственники, живущие вместе	1	1	1	1
3.1. Супружеская пара	1,5	3	2	2
3.2. Супруги с детьми	24	9	10	8
3.3. Вдовцы с детьми	2	1	1	2
3.4. Вдовы с детьми	0,5	—	2	1
3.5. Солдатки с детьми	0,5	1	—	—
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	2,5	4	3	3
4.2. Супруги с детьми и племянниками	1	1	1	1
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	3	2	4	3
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	4	6	2	1
4.5. Неясные связи	—	2	—	—

Тип семьи/год	1816	1834	1850	1858
5.1. Супруги с женатыми и неженатыми детьми				
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	18	20	16	18
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	6	4	7	4
5.4. Семьи братьев/ сестер с женатыми и неженатыми детьми	–	–	1	2
5.5. Прочие типы расширенных семей	30	41	49	50

Таблица 7

Типы крестьянских семей с. Калугино в первой половине XIX в. (в %)

Тип семьи/год	1816	1850
1.1. Одиноким вдовцы	2,5	1
1.2. Одиноким (неизв. брачный статус)	–	–
2.1. Несемейные кровные родственники	4	–
2.2. Др. родственники, живущие вместе	–	1
3.1. Супружеская пара	2,5	3
3.2. Супруги с детьми	12	9
3.3. Вдовцы с детьми	–	1
3.4. Вдовы с детьми	1	1
3.5. Солдатки с детьми	–	–
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	7	2
4.2. Супруги с детьми и племянниками	–	2
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	5	–
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	1	2
4.5. Неясные связи	–	1
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатым и детьми и внуками	25	22
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	28	22
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	1	7
5.4. Семьи братьев/ сестер с женатыми и неженатыми детьми	10	19
5.5. Прочие типы расширенных семей	1	7

Как видно из таблицы 5, развитие типологии ревизской крестьянской семьи Малых Пупок на протяжении всей первой половины XIX в. характеризуется нарастающей консервативностью. Просматривается тенденция к увеличению доли расширенных семей в государственном селе. В 1816 г. такие семьи (типы 4.1-5.5) составляли 65% всех семей, в 1834 г. их доля увеличилась до 82% и оставалась примерно на том же уровне в 1850 и 1858 годах. Основные изменения касались только различных типов расширенной семьи: супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками и прочие типы расширенных семей. Причем последний тип семьи значительно возрос (с 30% в 1816 г. до 50% в 1858 г.). Существование большего числа семей «прочего типа», включавших далеких родственников, позволяет предполагать наличие в семьях государственных крестьян дворовых, содержание которые после реформы П.Н. Киселева запрещалось, но они фиктивно записывались в качестве родственников. Вместе с тем теряла свое значение и семья, состоящая из супругов с детьми. В 1816 г. такие семьи составляли почти четверть всех семей в

селе. В дальнейшем их доля резко сократилась и находилась в пределах 15%.

В помещицкой Байловке, напротив, шло небольшое, но сокращение расширенных семей 4-го и 5-го типов, примерно с 80% в 1816 г. до 70% в 1858 г. С другой стороны, происходил рост семей из супружеских пар или супругов с детьми с 10% до 19%. Бросается в глаза и то, что в этом селе было сравнительно мало наиболее сложных семей – типа 5.5.

Семьи помещицких крестьян Калугино 1850 г. по типологии близки к малопуповским – 84% расширенных семей, 14% супружеских пар и супругов с детьми.

Более точное объяснение типологии семей в селах с разными категориями крестьян можно дать только после специального анализа этого вопроса.

Таблица 8

Типология семей с. Байловка по внутрисословным группам в первой половине XIX в (в %)

Тип семьи	Год							
	1816		1834		1850-1851		1858	
	Дк	Пк	Дк	Пк	Дк	Пк	Дк	Пк
1.1 Одинокие вдовцы	–	–	17	–	–	2	–	–
1.2 Одинокие (наизв. брачный статус)	43	–	32	1	–	–	–	4
2.1 Несемейные кровные родственники	–	–	17	1	–	2	12,5	2
2.2 Др. родственники, живущие вместе	–	–	–	–	–	2	–	–
3.1 Супружеская пара	–	–	–	–	–	–	–	1
3.2 Супруги с детьми	43	6	–	8	27	21	37,5	19
3.3. Вдовцы с детьми	–	–	–	5	4	–	–	4
3.4. Вдовы с детьми	–	2	–	3	6	2	12,5	–
4.1 Супруги с детьми и вдовыми родителями	–	6	17	4	4	2	12,5	1
4.2 Супруги с детьми и племянниками	–	4	–	–	2	–	–	1
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	14	4	–	1	2	–	–	2
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	–	11	–	3	6	7	12,5	2
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатыми детьми и внуками	–	15	–	23	27	9	12,5	17
5.2 Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	–	33	17	24	10	37	–	28
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	–	–	–	7	4	2	–	7
5.4. Семьи братьев/ сестер с женатыми и неженатыми детьми	–	6	–	15	2	9	–	4
5.5. Прочие типы расширенных семей	–	13	–	5	6	5	–	8

Таблица прежде всего показывает очень большую долю одиноких дворовых людей в начале рассматриваемого периода и постепенное сокращение этого показателя до уровня, характерного для других категорий крестьянства. Это можно объяснить только тем, что помещики все больше разрешали дворовым заводить свои семьи. С другой стороны, рос

удельный вес семей дворни, состоящих из брачных пар с детьми и другими родственниками. И все-таки у этой категории крестьянства не получили большого значения составные семьи типа 5, что, вероятнее всего, связанного с отсутствием у них земледельческого хозяйства, требовавшего большого числа рабочих рук разных поколений.

У помещичьих крестьян типология семьи мало отличалась от госкрестьянской. На протяжении всего периода сложные семьи (типы 4-5) составляли явное большинство. Тенденция к ее снижению была незначительной — уменьшение показателя с 70% в 1816 г. до 60% в 1858 г.

Рост нуклеарных семей типа 3 имел место, но к середине XIX в. едва достиг уровня 25% от всех семей.

Вряд ли можно утверждать, что крестьянские семьи Байловки являлись более модернизированными по сравнению с семьями Малых Пупок. Точнее было бы говорить об их большей деформированности, связанной с неполноценностью, по крестьянским меркам, семей дворовых людей.

Таблица 9

Типология семей с. Калугино по внутрисословным группам в первой половине XIX в. (%)

Тип семьи	Год			
	1816		1850	
	гк	дк	гк	пк
1.1. Одиноким вдовцы	—	—	—	2
1.2. Одиноким (неизв. брачный статус)	2,5	—	—	—
2.1. Несемейные кровные родственники	5	—	—	—
2.2. Др. родственники, живущие вместе	—	14	—	—
3.1. Супружеская пара	2,5	7	2	—
3.2. Супруги с детьми	13	43	7	—
3.3. Вдовцы с детьми	—	7	—	—
3.4. Вдовы с детьми	—	—	—	1
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	8	—	—	2
4.2. Супруги с детьми и племянниками	—	—	—	1
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	5	—	—	—
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	1	—	—	2
4.5. Неясные связи	—	—	—	1
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатыми и детьми и внуками	24	—	—	23
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	28	29	—	20
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	1	—	—	8
5.4. Семьи братьев/сестер с женатыми и неженатыми детьми	10	—	—	23
5.5. Прочие типы расширенных семей	1	—	—	8

В Калугино внутрисословная типология существенно не отличалась от показателей других сел. У государственных и помещичьих крестьян явно преобладали сложные семьи. У госкрестьян они почти полностью совпадали с соответствующим показателями с. Малые Пупки 1816 г. У помещичьих крестьян особенность была в том, что семей 3-го типа в 1850 г. было в процентном отношении вдвое меньше, чем в Байловке, а у

дворовых крестьян, наоборот, заметно преобладали семьи из брачных пар с детьми и без детей.

Таблица 10
Типы ревизских семей с. Рассказово в 1816-1858 гг. (в %)

Типы	Мастеровые крестьяне		Государственные крестьяне			Помещичьи крестьяне			Дворовые		
	1816	1858	1834	1850	1858	1816	1834	1858	1816	1834	1858
1.1. Одиноким вдовцы	1	1	2,5			1	6			4	
1.2. Одиноким (с неизв. брач-ным статусом)	4	2				3		5	5	18	16
2.1. Несемейные кровные родственники (братья/сестры)			6			3			5	3,5	9,5
2.2. Другие родственники, живущие вместе	2	4	2,5			2	7				3
3.1. Супружеская пара	2	3	2,5			2		2	9,5	11	3
3.2. Супруги с детьми	11	17	11	14	6	18		5	51,5	35,5	34,5
3.3. Вдовцы с детьми	31	2				2	2				
3.4. Вдовы с детьми	1	5	2,5			3			9,5	7	6
3.5. Солдатки с детьми							6				
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	6	10		5	11	4	19	9		7	6
4.2. Супруги с детьми и племянниками				3	3	0,5		2	9,5		
4.3. Супруги с детьми и неженат. брат/сестр.	6	1				2		4			3
4.4. Сочет. предыдущих сочетаний	2	8		3	3	5		7	5		
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатым и детьми и внуками	3	14	14	14		8		9			9,5
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	6	20	20	24	46	28	37	32		11	9,5
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	5	1	6		11	3	13				
5.4. Семьи братьев/сестер с женатыми и неженатыми детьми	17	8	26	32	17	11	6	7	5		
5.5. Другие типы расширенных семей	3	4	6	5	3	4,5	13	9		3,5	

Из таблицы видно, что во всех категориях крестьян преобладала расширенная ревизская семья (типы 4.1-5.5). Доля простых (нуклеарных) семей (1.1-3.5) была наибольшей у мастеровых крестьян (может быть, влияние индустриализации), наименьшей – у государственных, что связано с политикой правительства по ограничению семейных разделов. У всех категорий крестьян в рассматриваемый период позиции большой семьи даже укреплялись. Предстоит изучить, что влияло на это у мастеровых и помещичьих крестьян.

Типы исповедальных семей с. Рассказово в 1810-1830-е гг. (в %)

Типы	Помещичьи крестьяне			Дворовые	Гос. крестьяне
	1811	1823	1832	1823	1823
1.1. Одинокие вдовцы				1	
1.2. Одинокие (с неизв. брачным статусом)				1	
2.1. Несемейные кровные родственники (братья/сестры)			1	1	
2.2. Другие родственники, живущие вместе		1	1		
3.1. Супружеская пара		2	1	9	
3.2. Супруги с детьми	12	13	17	64	50
3.3. Вдовцы с детьми					
3.4. Вдовы с детьми		2	1	18	10
3.5. Солдаты с детьми			1		
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	5	7	8		10
4.2. Супруги с детьми и племянниками		1	3		
4.3. Супруги с детьми и неженат. брат/сестр.		2	6	9	
4.4. Сочет. предыдущих сочетаний	4	7	3		
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатыми детьми и внуками	17	12	12		
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	35	36	33		30
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	2	2	1		
5.4. Семьи братьев/сестер с женатыми и неженатыми детьми	23	12	12		
5.5. Другие типы расширенных семей	1	3	1		

Сравнение ревизских сказок и исповедальных ведомостей по с. Рассказово показало полное отсутствие среди являвшихся на исповедь крестьянских семей, состоящих из одиноких детей, что говорит об отсутствии таковых в реальной жизни, о традиционной заботе крестьян о своих родственниках-сиротах и одиноких стариках.

Исповедальная ведомость 1811 г. отразила совместную явку на исповедь больших групп кровных родственников, более разветвленных, чем ревизские семьи. По исповеди, семьи 5-го типа составили 79%, по ревизии 1816 г. – 54,5% и, напротив, семьи 3-го типа – 12% и 27% соответственно. Вместе с тем, являвшиеся на исповедь кровные родственники не всегда жили единым домохозяйством. Анализ компьютерной выборки совпавших при сопоставлении ревизских и исповедальных семей свидетельствует, что половина семей совпала по составу почти полностью. Мелкие отличия связаны со смертями и рожденьями между годом исповеди (1811) и годом ревизии (1816) единичных членов семей. Другая половина совпавших семей отличалась большей расширенностью исповедальных семей в сравнении с ревизскими по боковым братским и сестринским линиям.

Сравнительное изучение развития типологии ревизских и исповедальных семей в 1810-1830-е гг. показало, что доля наиболее расширен-

ных семей в ревизских материалах выросла почти на 15%, а в документах исповедей сократилась на 18%. Наоборот, доля простых семей по ревизии сократилась на 20%, а по исповедам выросла на 8%.

Получается, что количество кровнородственных семей, которые уже имели самостоятельные домохозяйства, но в момент исповеди демонстрировали генетическое единство, постепенно сокращалось. Вместе с тем, по каким-то причинам ревизские семьи стали к 1830-м гг. фиксироваться в более сложном составе.

Сравнение ревизских (1834 г.) и исповедальных (1823 г.) семей государственных крестьян показывает существенные различия их структуры. Следует оговориться, что по материалам исповеди известно только 10 семей, что требует осторожности в выводах. Как и у помещичьих крестьян, на исповедях не бывало семей государственных крестьян, состоящих из одиноких и неженатых людей, тогда как среди ревизских семей этой категории крестьян таковых насчитывалось более 10%. Явно больше в процентном отношении среди государственных крестьян было исповедальных семей 3-го типа – ок. 60%. По ревизским данным, доля таких семей составляла 16%. Напротив, заметно меньше у исповедальных семей было семейств 4-5-го типов – ок. 40% против 68% у ревизских семей. При всей ограниченности исповедального материала он дает основание предполагать, что реальные, приходившие на исповедь семьи государственных крестьян, были меньше формальных, зафиксированных ревизией.

Принято считать, что структура семьи дворовых людей зависела от проживания дворни в доме помещика с вытекающей отсюда неустойчивостью родственных связей из-за распродаж, «отсылок в деревню» и особенностей работы в качестве, так сказать, специализированных слуг (садовников, конюхов, сторожей и др.). Однако в с. Рассказово дворовые, по данным и ревизских сказок, и исповедальных ведомостей все-таки имели свои семьи. В исповедальных документах явно преобладает нуклеарная семья, что, с одной стороны говорит, о нормальном человеческом стремлении дворовых иметь семью, с другой – о ненужности для них большой семьи ввиду неземледельческих занятий.

В целом семьи крестьян всех изученных сел в первой половине XIX в. оставались по преимуществу расширенными. В селениях государственных крестьян, вероятнее всего, в связи с усилением управляемости их властями в 1830-1840-е гг. и ограничением разделов росла доля наиболее разветвленных семей. В помещичьих селах приходится учитывать степень деформации структуры крестьянской семьи в целом наличием «сжатых» семей дворовых. Но эти чисто феодальные влияния не следует считать модернизацией семьи.

Источники второй половины XIX – начала XX в. в большей мере дают возможность изучать крестьянские семьи на мезоуровне (уезды, губерния).

Таблица 12

Средние размеры крестьянских дворов Тамбовской губернии в 1862-1917 г.*

Уезды/Годы	1862	1897	1917	
			Общинники	Хуторяне
Борисоглебский	8,3	6,5	6,5	6,8
Елатомский	9,5	5,8	4,8	4,3
Кирсановский	7,9	6,3	5,0	7,1
Козловский	8,3	6,6	6,1	3,8
Лебедянский	10,6	6,4	6,1	-
Липецкий	8,3	6,6	5,9	7,9
Моршанский	8,8	6,3	5,8	6,4
Спасский	7,7	6,3	6,6	-
Тамбовский	8,5	6,5	5,8	6,9
Темниковский	8,2	6,0	6,2	6,9
Усманский	8,4	6,6	6,4	6,7
Щацкий	8,3	6,4	6,4	7,1
Губерния в целом	8,5	6,4	6,1	6,3

Примечание.

* Таблица составлена по материалам: Списки населенных мест Российской империи. Т. XLII. СПб., 1866; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 42. СПб., 1904; Поуездные итоги сельскохозяйственной переписи Тамбовской губернии в 1917 г. Тамбов, 1917.

Таблица показывает, что на протяжении 50 с лишним лет после отмены крепостного права по губернии в целом и отдельных уездах шло постепенное сокращение размеров крестьянского двора. Особенно резкий скачок произошел в 1860-1890-е гг., когда упростились возможности семейных разделов. Наиболее заметное сокращение размеров семей – на 40-50% – прошло в уездах старого заселения (Елатомский, Лебедянский, Моршанский), где аграрное перенаселение, видимо, сказалось ранее, чем в других.

Сокращение среднего размера крестьянской семьи, возможно, было связано с ростом урожайности зерновых культур в XIX в. в среднем почти в 2 раза за счет включения в хозяйственный оборот лучших степных черноземов. В начале второй половины века это позволило производить необходимые продукты для одной семьи меньшими силами. Однако к 1880-м годам распашка земель в Тамбовской губернии достигла естественных пределов, а уровень интенсификации сельского хозяйства повышался медленно, поэтому дальнейшее резкое сокращение размеров крестьянского двора семье стало невозможным. Тем не менее, материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. позволяют предполагать, что у

крестьян уже преобладала парная семья. В среднем по губернии соотношение едоков и работников составило ок. 2 чел., что означало наличие в семьях 3 взрослых и 3 живых на данный момент детей. Наиболее вероятными комбинациями в таких случаях были семьи из брачной пары с 1 взрослым и 3 малыми детьми, а также брачной пары с 3 малыми детьми и неженатым младшим братом главы семьи.

Материалы сельскохозяйственной переписи 1917 г. позволили разделить крестьян, оставшихся в общинах и вышедших на хутора. Семьи крестьян 2-й группы и в целом по губернии, и в 8 из 10 уездов оказались крупнее, т.к. на самостоятельные поселения выделялись, как правило, большие семьи, способные при отсутствии существенной механизации труда вести хозяйство своими силами. Соотношение едоков и работников в этих семьях было несколько выше (ок. 2,2), чем у общинников, что говорит о выделении на хутора молодых семей с маленькими детьми, которые не столько хотели быть самостоятельными, сколько не имели перспектив для получения больших наделов в перенаселенной общине.

Таблица 13

**Средний размер населения дворов сел Байловка, Калугино,
Малые Пупки во второй половине XIX – начале XX в.**

Год/ село	1880-е	1911
Байловка	6,0	7,5
Калугино	6,7	6,3
Малые Пупки	8,5	8,3

Материалы подворных переписей второй половины XIX – начала XX в., несомненно, точнее ревизий определяют число дворохозяйств. Во-первых, проводившие их земства не имели фискальных целей. Во-вторых, и это главное, они были направлены именно на обследование крестьянских дворов. Эти материалы показывают, что на протяжении 50 с лишним лет после отмены крепостного права в конкретных селах, в отличие от губернии в целом и отдельных уездов, процесс сокращения размеров крестьянского двора протекал неоднозначно. В бывшей помещицкой Байловке он в начале XX в. вырос. В бывшем государственном с. М. Пупки средний размер двора резко сократился к 1880-м гг., но затем этот процесс замедлился и рассматриваемый показатель остался заметно выше общегубернского. В смешанном Калугине показатели сокращения размера крестьянских домохозяйств были близки к общегубернским. Выявить механизм этого процесса, надеемся, позволит специальное восстановление истории семей, которое начато тамбовскими историками.

В какой-то мере уточнить этот вопрос могут прояснить некоторые материалы баз данных о призванных из запаса на русско-японскую войну 1904-1905 гг. 154 солдатах Козловского уезда. Средний размер их семей составлял 5,9 чел., пропорция по семейному статусу: 2 – брачная пара, ок. 2 – дети, 2 родители, братья и сестры. Учитывая, что средний возраст призывников составлял ок. 30 лет, можно предположить, что к 1917 г. у них могло увеличиться число детей. Только каждый пятый призывник жил с родителями. Их средний возраст в 1905 г. составлял более 60 лет, и вероятность жизни до 70 с лишним была невелика. С другой стороны, 2/3 призывников имели братьев, большинство из которых были моложе и к 1917 г. могли отделиться в самостоятельные семьи. Дети призывников в 1905 г. были очень маленькими, только 17 из 287 – старше 18 лет. Поэтому вероятность выделения их к 1917 г. в самостоятельные домохозяйства была невелика. В рассматриваемых семьях практически не было дядей и племянников призывников. Это означает, что практически все взрослые семейные мужчины не жили со своими братьями, и разветвленных по боковым линиям семей становилось меньше. При верности таких рассуждений получается, что к 1917 г., вероятнее всего, в изучаемых семьях остались сами бывшие призывники с женами, тремя-четырьмя детьми, редко с родителями и неженатыми братьями.

Учитывая то, что поуездные данные конца XIX – начала XX в. дают примерно тот же размер семей – ок. 6 чел., можно предполагать, что это была оптимальная цифра для тамбовского крестьянства этого периода. По сравнению с первой половиной XIX в. средний размер крестьянской семьи в Тамбовской губернии сократился на 2 чел. Это было отражением модернизации семьи, особенно ее упрощения в сторону брачной пары с детьми и отпадением боковых ветвей. Но все-таки русская земледельческая семья оставалась больше западно-европейской крестьянской семьи, которая уже в XIX в. имела средний размер в 4-5 чел.

Примечания

1. См.: Александров В.А. Типология русской крестьянской семьи в эпоху феодализма // История СССР. 1981. №3. С.78-96; Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963; Мищенко Н.А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX в.). Новосибирск, 1979 и многие другие работы.
2. См.: Хаджнал Дж. Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей / Под ред. А.Г. Вишневого и И.С. Кона. Москва, 1979. С.14-70.

3. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи. Т.1. СПб., 1999. С.219-264.
4. См.: Романов Н.Н. Село Каменка и его волость. Особое прибавление к «Сборнику статистических сведений по Тамбовской губернии». Тамбов, 1886.
5. См.: Хок С. Крепостное право и социальный контроль в России: Петровское, село Тамбовской губернии: Пер. с англ. М., 1993. С.82
6. См.: Ласлетт П. Семья и домохозяйство: исторический подход // Брачность, рождаемость, семья за три века: Сб. статей. М., 1979. С.132.
7. См.: Хок С. Указ. соч. С.77.

Е.Н. Барзул

г. Мегион, Ханты-Мансийский национальный округ

Д.И. БАГАЛЕЙ О ПЕРЕСЕЛЕНИИ УКРАИНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА В СЕРЕДИНЕ XVII в.

Заселение и освоение земель Дикого поля по-прежнему остается малоизученной темой в российской и украинской историографии. Немало историков касалось колонизации земель Слободской Украины. Среди этих работ особое место занимают труды Д.И. Багаля. В частности, его «История Слободской Украины» – едва ли не единственный целостный труд по истории Слобожанщины, который охватывает период с начала заселения края до XX в. и написан на обширном документальном и фольклорном материале.

С точки зрения Д.И. Багаля, активное освоение Слобожанщины начинается с середины XVII в., когда положение украинского народа в составе Речи Посполитой становится особенно невыносимым. Историк подчеркивает, что Московское государство было заинтересовано в укреплении границ и поэтому вынужденных переселенцев охотно принимали в России, селили в пограничных районах, где они вместе с русскими служилыми людьми сражались с татарами. Новоселам оказывали денежную и хлебную помощь, они сохраняли свой быт и традиции.

По мнению Д.И. Багаля, первостепенную роль сыграли переселенцы при основании городов и слобод южной пограничной зоны. Так, в построенный в 1652 г. Острогожск, как писал ученый, сразу же прибыл целый украинский полк численностью тысяча человек (кроме семей), под командованием полковника Ивана Зиньковского (Дзиньковского) со всей полковой и сотенной старшиной. По царскому указу переселенцам было

На протяжении XIX в. происходит уменьшение доли украинцев в общем числе населения. Это было связано как с процессами ассимиляции, которые усилились во второй половине века, так и с тем, что переписи этого периода фиксируют данные о родном языке (ревизии XVII в. записывали население, исходя из самоназвания). По мнению академика, диалектолога П.И. Кеппена, в 1838 г. в Курской губернии было 47614 украинцев, которые обрусели. При подсчетах ученый исходил из того, что прозвище «перевертень», которое вначале давали обрусевшим украинцам, впоследствии легло в основу фамилии «Переверзев».

По данным переписи 1897 г., по-прежнему наибольший процент украинского населения проживал в южных уездах Курской губернии – Грайворонском (59%), Новооскольском (51%), Путивльском (53%). Русские преобладали в Курском (97%), Старооскольском (91%), Обоянском (89%), Льговском (95%), Щигровском (99%), Тимском (99%), Дмитриевском (99%).

Таким образом, этнический и численный состав населения края в XVIII-XIX вв. претерпел существенные изменения. В частности, уменьшение доли украинского населения было связано, прежде всего, с политикой московского государства, где обучение, делопроизводство и т.п. велось на русском языке.

М.В. Шестаков

Тамбовский государственный университет

**«АЛФАВИТНЫЙ СПИСОК ДВОРЯН
ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ...» КАК ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ДВОРЯНСТВА
КОНЦА XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.**

История русского дворянства, в том числе и провинциального, в последнее время вызывает повышенный интерес у историков, так как это было правящее сословие России, игравшее решающую роль в политической, экономической и духовной жизни страны. В Государственном архиве Тамбовской области, в фонде Тамбовского губернского дворянского депутатского собрания находится комплекс источников с названием «Алфавитный список дворян...». Он был составлен по всем уездам Тамбовской губернии для продолжения дворянской родословной книги в соответствии с «Жалованной грамотой дворянству» 1785 г. Список готовился канцелярскими работниками и контролировался уездными дворян-

скими предводителями. «Алфавитные списки дворян...» практиковались до конца 1820-х гг., хотя их содержание значительно изменилось. В последующие годы от них отказались. На наш взгляд, это объясняется тем, что ревизские сказки давали больше сведений о количестве крепостных крестьян у того или иного дворянина, а книги о записи в дворянский род по Тамбовской губернии вполне удовлетворяли губернские и уездные дворянские собрания.

«Алфавитный список дворян...» каждого из уездов писался по одной форме, в виде таблицы из 7 граф. В графу первую заносились фамилия, имя и отчество дворянина, его возраст. В графу вторую записывалось семейное положение дворянина (холост, женат, вдов, сословное происхождение супруги дворянина, ее возраст). Третья графа отводилась под информацию о членах семьи дворянина, как мужского, так и женского пола (имя, возраст, место службы). Иногда попадаются данные об их семейном положении: холост, женат, количество детей. Четвертая и самая большая графа называлась: «Сколько за ним по последней ревизии наследственных или покупных или в приданое полученных обоего пола душ ныне состоит и во скольких селах и деревнях». В эту графу записывались населенные пункты данного уезда, в которых у дворянина были крепостные крестьяне (указано их число), записана их принадлежность (брату, жене, детям и т.д.). В пятый графе фиксировалось место жительства дворянина (в каком имении дворянин проживает). Шестая графа дает информацию о чине дворянина (по Табели о рангах). Седьмая – место службы дворянина, а иногда и место службы детей. Все сведения, которые были внесены в «Алфавитный список...», писалось и присылалось самими дворянами для написания их в дополнения дворянских книг. Данные этого источника использовались в работе уездных дворянских собраний.

По данным источника, создана база данных, в которой отражены все параметры таблицы. БД позволяет произвести расчеты некоторых параметров социальной истории провинциального дворянства.

С помощью электронной базы данных был произведен обсчет «Алфавитного списка дворян Тамбовской округи...» [1] (т.е. Тамбовского уезда). Анализ параметра «количество детей в дворянских семьях» показал, что в среднем в дворянских семьях Тамбовской округи насчитывалось 2,84 ребенка на одну семью.

Таблица 1

Количество детей в дворянских семьях

Количество детей в семье	Всего в %	Всего семей
1	28,6	40
2	21,4	30
3	18,6	26
4	11,4	16
5	10,7	15
6	3,6	5
7	2,9	4
8	2,1	3
10	0,7	1
Общий итог	100,00	140

Как видно из таблицы, в половине семей имелось всего 1-2 ребенка. Но встречалось и необычно большое для дворянской семьи количество детей. В частности, в семье вдовствующего капитана в отставке Никиты Федоровича Салтыкова, 56 лет, проживавшего в селе Дмитриевское (Кобылянка), числилось 10 детей (сыновья Александр 24, Иван 22, Алексей 21, Николай 20, Петр 19, Михаил 16, Андрей 14, Василий 7, Федор 2, дочь Анна 9 лет) [2].

Таблица 2

Разница возрастов супругов в дворянских браках

Разница в возрасте между мужем и женой	Всего в %	Всего семей
-3	2,86	1
0	14,29	5
1	2,86	1
2	11,43	4
3	8,57	3
4	2,86	1
5	8,57	3
6	2,86	1
9	5,71	2
10	8,57	3
12	5,71	2
14	2,86	1
17	2,86	1
18	2,86	1
20	2,86	1
23	5,71	2
24	2,86	1
26	2,86	1
29	2,86	1
	100	35

Таблица показывает, что наиболее распространенная разница в возрасте колеблется в интервале от равного возраста до 5 лет в пользу мужчины. Но иногда встречалась разница в пользу женщины. Так, Яков Никитич Субочев 29 лет был женат на дочери прапорщика Родиона Родионовича Левашева Марфе 32 лет [3]. Судя по таблице, 40% браков заклю-

чалось с разницей в возрасте от 10 лет и более в пользу мужчины. В этом было заметное отличие дворянства от «простого народа», в среде которого разница между возрастом новобрачных обычно не превышала 4 года в пользу женихов [4]. Многие мужчины-дворяне не спешили заключать браки. Это объясняется государственной службой дворян (служба была бессрочной – до болезни или смерти), указами Петра I об обязательном обучении дворян грамоте (те дворяне, которые уклонялись от обучения, не имели права жениться), отрывом от «домашнего очага» во время военной службы [5]. Провинциальные дворяне женились в основной своей массе после того, как им предоставляли отставку. Чиновники-дворяне, как отмечает Б.Н. Миронов, «весьма неохотно связывали себя семейными узами, многие из них оставались холостяками и если вступали в брак, то в зрелые годы, и вследствие этого у них было меньше детей, чем в семьях других сословий» [6]. Можно вспомнить мемуары А.Т. Болотова, который вышел в отставку в 1762 г., а в 1764 г. женился на госпоже Каверинной. Разница в возрасте между супругами составляла 13 лет [7].

Невеста и ее родители из дворян предпочитали жениха высокого чина; с большим количеством земли и душ. Дворянин мог получить это за службу в течение немалых лет, и поэтому в дворянских семьях между мужем и женой сохранялась высокая разница в возрасте. Большая разница в возрасте объясняется и тем, что мужчины в первом браке часто становились вдовцами из-за слабого физического развития молодых дворянок. Через несколько лет приходилось жениться повторно на более зрелой женщине дворянского происхождения, а то и другого сословия.

Таблица 3

Сословная принадлежность дворянских жен

Сословие супруги	Всего в %	Всего дворян мужского пола
Одндворцы	8	6
Дворянство	72	55
Купечество	9	7
Духовенство	4	3
Военное	4	3
Иностранцы	2	2
Крестьянство	1	1
Общий итог	100	77

Традиционно дворянство предпочитало заключать браки с представителями своего сословия, но встречались сравнительно нередкие браки с представителями из купеческого сословия (около 10%), а также с одндворцами (около 8%). Известны единичные случаи браков дворян с представителями духовенства, крестьянства, иностранцами. Всего более чет-

верти брачных партнеров дворян происходили из других сословий. Для XVIII в. – это показатель разрушения сословной замкнутости браков.

Дворяне, которые состояли в браке с девушками купеческого сословия, однодворками или с представителями духовенства были в основном мелкопоместными, разорившимися, с малым количеством крепостных и проживавшими в городе Тамбове или в Тамбовской инвалидной команде. Так, Петр Иванович Закусин, 55 лет был женат на крестьянской дочери Прасковьи 38 лет. Проживали они в Тамбовской инвалидной команде, крепостных крестьян у них не было [8]. Что касается брака с иностранками, то Тамбовское дворянство предпочитало заключать браки с женщинами польского и молдавского происхождения, принявшими православие.

Таблица 4

Распределение имений дворян Тамбовского уезда по территории России

Губернии	Всего в %	Всего дворян
Владимирская	0,73	4
Вологодская	0,55	3
Калужская	2,00	11
Костромская	0,91	5
Московская	1,64	9
Пензенская	0,18	1
Рязанская	4,73	26
Санкт-Петербургская	0,18	1
Саратовская	1,28	7
Смоленская	0,18	1
Тверская	0,18	1
Тульская	4,19	23
Уфимская	0,18	1
Ярославская	1,28	7
Тамбовская	81,79	449
Общий итог	100	549

Как видно, большинство владений дворян Тамбовской округи находились в Тамбовском наместничестве. Причем это было, как правило, несколько сел в разных уездах. Дворяне, у которых имения располагались в Тамбовском наместничестве, были в значительной части мелкопоместными с малым количеством крепостных душ. Те же дворяне, у которых имения располагались в соседних губерниях Рязанской, Тульской, Калужской приобрели земли в Тамбовской губернии, прежде всего, на вновь освоенных землях и в ходе Генерального межевания, с целью лучшего контроля за имениями. Дворяне часто сами переезжали из одного имения в другое, для наведения там порядка, жили в них от нескольких месяцев до года, а иногда и несколько лет.

Таким образом, «Алфавитный список дворян Тамбовской губернии» является важным источником по изучению социально-демографической истории русского провинциального дворянства. Он дает возможность

проследить различные стороны демографии провинциального дворянства и на микроуровне в связи с особенностями жизни дворянского сословия. Самый важный вывод заключается в том, что уже в конце XVIII в. демографическое поведение дворянства Тамбовской губернии претерпело заметную модернизацию, особенно проявившуюся в сравнительно позднем возрасте брака и заметном выходе за пределы сословного брачного пространства, весьма «современном» средним количестве детей на семью.

Примечания

1. См.: ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.22.
2. См.: Там же. Л.118 об.
3. См.: Там же. Л.127 об.
4. См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т.1. С.168.
5. См.: Платонов С.Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 1999. С.534.
6. См.: Миронов Б. Н. Указ. соч. Т.1. С.179.
7. См.: Болотов А.Т. Жизнь и приключения Андрея Тимофеевича Болотова: Описанные самим им для своих потомков: В 3 т. М., 1993.
8. См.: ГАТО. Ф.161. Оп.1. Д.22. Л.45 об.

В.В. Канищев, Т.Ю. Крестинина
Тамбовский государственный университет

ДЕМО-ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРИГОРОДНОГО СЕЛА В XVII-XX вв. (с. Бокино Тамбовского района)

Село Бокино как славянское земледельческое поселение возникло одновременно с крепостью Тамбов в середине XVII в. Хотя жители Бокино в XVII – первой половине XVIII в. по социально-профессиональному статусу являлись прежде всего служилыми людьми, казаками и солдатами, они имели как плату за службу земельные наделы и, скажем так, по месту жительства были земледельцами. Местность, где расположилось село, находилась на берегу р. Цны, имела удобные условия для жизни человека аграрного общества и ресурсный потенциал для сельского хозяйства.

Первоначально жители Бокино получили земельные угодья, полагавшиеся, по царскому указу, соответствующим категориям населения Тамбовского уезда: по 25 четвертей в поле (1 четверть в XVII в. равна 0,5 дес.) и сенных покосов по 50 копен – казакам и по 12 четвертей и по

25 копен сена – солдатам. Кроме того, им предоставлялось право в Цнинском лесу рубить «хоромный и дровяной лес» [1]. Зная количество дворов в селе – 141 двор в 1676 г. (каждый взрослый служилый человек образовывал самостоятельное дворохозяйство), и примерное соотношение казаков и солдат (3 к 2), мы можем рассчитать, если не точный размер, то масштаб изначально вовлеченных в хозяйственный оборот земельных и сенокосных ресурсов. Несложные арифметические подсчеты показали, что на каждый казачий двор приходилось около 40 га пашенной земли в трех полях, а солдатский двор – около 20 га. В соответствии с естественными критериями зажиточности тамбовского крестьянства, богатым считалось хозяйство, имевшее более 15 дес. пашенной земли [2]. Следовательно, в период заселения Притамбовья имелась возможность обеспечить каждый сельский двор более чем достаточным полевым наделом.

Однако эта возможность стала очень быстро сокращаться ввиду основания новых населенных пунктов вблизи Тамбова и быстрого роста населения в них. Если посчитать общий размер земли под пашню, полученной бокинскими жителями в середине XVII в., получается цифра ок. 4400 га. Сравнение с размерами земельных угодий вокруг села в последующие периоды его истории показывает, что изначально население Бокино получило в свое распоряжение все возможные ресурсы для пашенного земледелия. Дальнейшее их расширение, судя по всему, было невозможно, ввиду расположения вокруг села других земледельческих поселений.

Таким образом, с самого начала своей истории Бокино имело ограниченный объем природных ресурсов для сельского хозяйства, который был более чем достаточен в XVII в. и мог бы оставаться таковым при условии небольшого роста населения и восстановления природных ресурсов, в частности плодородия почв.

В плане динамики численности населения и соответственно изменений демографической нагрузки на природную среду Бокино было вполне типичным для своего региона сельским поселением. В XVIII – начале XX в. здесь шел бурный рост числа жителей: в документах 2-й ревизии (1744) в селе числилось 455 ревизских душ, или ок. 900 чел. обоего пола, по Генеральному Межеванию (1790-е гг.) – 1598 чел. обоего пола [3]. Число жителей села в течение XVIII в. увеличилось примерно в 2 раза.

Динамику основных демографических показателей в селе можно проследить по метрическим книгам прихода Николаевской церкви (сохранились метрики с 1759 по 1913 гг.). Несмотря на определенную неполноту информации этого первичного документа учета населения (неполная регистрация рождаемости, недоучет младенческой смертности до

1830-х гг.), источник отразил практически ежегодный громадный естественный прирост населения: из 154 известных по метрикам лет только 5 (1813, 1842, 1843, 1861, 1865 гг.) дали отрицательный прирост. В отдельные годы показатели естественного прироста достигали 900% (в 1817 г.). Такое резкое увеличение населения вело к распашке новых земель и увеличению эксплуатации других природных ресурсов изучаемого региона.

Экономические примечания к Генеральному Межеванию не зафиксировали какой-то серьезной нагрузки на водные ресурсы региона. В них записано, что выгона скота к реке Цна нет, судоходства и какого-либо промысла на реке нет.

В первой половине XIX в. население Бокино увеличилось всего на 200 чел. или на 12% (1790 чел. в 1862 г.). Объяснить это явление пока сложно. Вероятнее всего, оно связано с выселением из села части жителей. Известно, что выходцами из Бокино было основано село Абакумовка Тамбовского уезда и деревня Бокино Борисоглебского уезда [4].

Во второй половине XIX – начале XX в. резкий рост населения Бокино продолжался: к 1917 г. оно увеличилось почти вдвое и достигло 3184 чел. Несмотря на перипетии революционного времени, жители Бокино к 1926 г. не только восстановили дореволюционную численность, но и, достигнув 4135 чел., превзошли ее почти на треть. К настоящему времени число жителей села еще несколько выросло: по данным 2002 г. – 4378 чел. Однако характер воздействия населения на природную среду резко изменился, т.к. в течение XX в. Бокино стало типичным пригородным селом аграрно-индустриального характера и большинство его жителей уже не участвовало в профессиональной сельскохозяйственной деятельности, иначе говоря, непосредственно мало «давило» на землю по сравнению с периодом аграрного общества. Даже в период «расцвета» колхозного строя в местном колхозе работало несколько сот человек. Остальное трудоспособное население (более 1500 чел.) в основном трудилось и трудится на промышленных и других несельскохозяйственных предприятиях ближних городов и поселков. Но, оставаясь жить в селе, как бы парадоксальным образом участвует в загрязнении собственной среды обитания.

В советский период в сельскохозяйственном природопользовании местного населения произошли существенные изменения. В селе был основан колхоз им. Жданова. Пока не определено точное соотношение земельных угодий с. Бокино на предколхозный 1926 г. и колхоза (данные 1959 г.). Примерно можно говорить о том, что в окрестностях села заметно сократилась пашня, очень существенно уменьшились приусадебные участки крестьян под огородами (с 80 соток до 20 на двор), но вместе с тем сохранились масштабы естественных сенокосов и пастбищ, появи-

лись немалые площади под садами. В целом сохранилось доколхозное соотношение угодий с огромным преобладанием пашни над животноводческими угодьями – примерно 80-85% против 20-15%. В колхозное время широко вошло в практику использование навоза, в 1950-е гг. началось использование неорганических удобрений (суперфосфат и азотистые удобрения) [5]. Использование таких удобрений вело к опасности их попадания со сточными водами в водоемы.

По данным 1963 г., в колхозе работали 21 трактор, 9 зерноуборочных комбайнов, 4 силосоуборочных комбайна, 13 грузовых автомобилей, 30 специализированных машин. Каждый трактор обрабатывал в среднем 150-180 га земли [6]. С одной стороны, это вело к росту энерговооруженности труда, резко сократило физический труд человека. С другой стороны, использование тяжелой техники вело к сильной нагрузке на почву, нарушало ее микроструктуру.

В 1990-е гг. в СХПК «Бокинский» не проводилось расширения посевных площадей, но и не произошло их существенного сокращения. К настоящему времени заметны признаки истощения черноземной почвы. Сельскохозяйственной техники стали использовать меньше, но ее достаточно для уборки урожая, что можно рассматривать как положительное явление с точки зрения ослабления механической нагрузки на землю. Показателем сокращения использования удобрений является наличие грызунов (мышь-полевка). Это в какой-то мере отрицательно сказывается на сборе урожая, но позитивно в плане сохранения естественных природных условий.

К началу XXI в. сохранился расположенный рядом с селом массив Цнинского леса. Его используют в основном для производства строительных материалов. Но в селе остались и такие дома, где до сих пор топят дровами. В соответствии со «Сталинским планом преобразования природы» в 1950-1960-е гг. вдоль дорог в окрестностях села для защиты полей от ветров были высажены лесополосы. Они продолжают играть положительную экологическую роль, хотя в 1990-е гг. при отсутствии должного контроля со стороны местных властей в них произошли заметные бесконтрольные порубки населением.

В 1970-е гг. близ села, на севере и северо-западе, были созданы 4 пруда, которые получили сугубо хозяйственное рыбководческое назначение. До их сооружения на этой территории располагались колхозные поля, на которых выращивали преимущественно огородные культуры (капуста, бахчевые и пр.). Функциональные потребности прудов сделали необходимым сооружение вспомогательных водоемов. Параллельно с их сооружением был построен водозаборный канал, который имеет протяженность около полутора километров. Влияние прудов на экологию ре-

гиона велико – с прудов сбрасывается ежегодно большое количество застоявшейся, грязной воды в Цну, происходит систематическое загрязнение реки, берега и сама река зарастают камышом и водорослями, что неизбежно приводит к ее обмелчанию и изменению фауны.

Чуть выше села по течению Цны в реку впадает сточный канал промышленных предприятий г. Котовска. В советские времена, когда заводы работали на полную производительную мощность, по рассказам местных жителей, по каналу текли окрашенные сточные воды. В настоящее время подобных выбросов не наблюдается, хотя периодически в реке исчезают раки, которые, как правило, живут в относительно чистых водоемах.

Имеет место и загрязнение Цны бытовыми отходами. Особенно негативно то, что в реку близ села сбрасываются канализационные стоки поселка Строитель.

В середине XX в. в с. Бокино из промышленных предприятий действовали только механическая мельница, крупно- и просо сушилки, которые оказывали минимальное влияние на окружающую среду. В последующие десятилетия к селу приблизилась промышленная зона Тамбова, нарастала экологическая опасность со стороны Котовска. В самом селе и примыкающем к нему поселке Строитель сконцентрировано производство строительных материалов. Часть села находится в низменности по бассейну реки и заметно страдает от выбросов тамбовских и котовских предприятий: нередки жалобы местного населения на внезапное увядание садово-огородных культур и пр. Предприятия строительного комплекса выбрасывают в окружающую природу ртутьсодержащие отходы, отработанные масла, фенол, сульфат натрия, сернистый ангидрид, окислы азота. По словам местных жителей, наибольшие неприятности им доставляют предприятия Котовска (особо лакокрасочный завод) и местный асфальто-битумный завод.

Вместе с тем, данные о загрязнении Цны на отметке 1 км выше Тамбова (это ниже по течению с. Бокино) за 1975-1990 гг. говорят о том, кислорода в воде здесь имеется столько же, сколько и в среднем по рекам области, углекислого газа, магния, нефтепродуктов – меньше, чем по области и только нитратов – больше среднеобластного показателя.

Таким образом, мы видим, что непосредственная близость опасной для окружающей среды промышленности не всегда однозначно ведет к ухудшению экологической обстановки.

В целом с. Бокино за 360 лет своей истории пережило типичные для пригородных сельских населенных пунктов демографические и экологические процессы. В течение первых 150-200 лет здесь шел бурный рост населения и соответственно заполнение ограниченной другими крупны-

ми поселениями экологической ниши. Уже в первой половине XIX в. неизбежным стало внутригубернское переселение части жителей. Тем не менее во второй половине XIX – первой четверти XX в. «демографический бум» продолжался, что привело к значительному аграрному перенаселению и измельчанию душевых размеров природных угодий. В советское время в деятельности местного колхоза в основном сохранилась структура использования основных сельхозугодий, но появились элементы рационального природопользования. Появление во второй половине XX в. в окрестных городах и поселках, а также самом селе крупных промышленных предприятий вызвало загрязнение воздуха и воды вредными неорганическими веществами. Вместе с тем сокращение масштабов сельскохозяйственной и промышленной деятельности в 1990-е гг. в экологическом отношении имело положительное значение (меньшая нагрузка сельхозтехники и неорганических удобрений на поля, сокращение выбросов заводов и др.).

Примечания

1. См.: Мизиса Ю.А. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII вв. Тамбов, 1990. С.65.
2. Подробнее см.: Есиков С.А., Канищев В.В. Естественные критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микросоциальном уровнях (Тамбовская губерния, 1860-1920-е гг.) // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XXVII сессий Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Вологда, 2001. С.16-24.
3. См.: Муравьев Н.В. Из истории возникновения населенных пунктов Тамбовской области. Воронеж, 1988. С.19.
4. См.: Списки населенных мест Российской империи. Т.XLII. СПб., 1866.
5. См.: ГАТО. Ф.Р-3539. Оп.1. Д.5792.
6. См.: Пешков В. Поступь времени. Тамбовская правда. 1963. 6 ноября.

В.Д. Орлова

Тамбовский государственный университет

НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ОБ ОТНОШЕНИИ РУССКОГО СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ XIX в. К РОЖДЕНИЮ, БРАКУ И СМЕРТИ

Изучение демографического поведения тамбовских крестьян XIX в. на основании метрических книг поставило перед исследователями ряд проблем, касающихся ментальности. Найти ответы на эти вопросы лишь

в церковных источниках невозможно. Православная церковь фиксировала только факты крещения, законного брака и смерти. Нами предпринята попытка использовать для этого сведения, приводимые этнографами XIX в., описавшими различные аспекты крестьянской жизни: В.И. Даля, М. Забылина и С.В. Максимова [1]. Они использовали материал, собранный в разных губерниях в 1830-1890-е гг., не были склонны к его экстраполяции в мифологию славянского язычества, не идеализировали крестьян. Приводимые приметы и обряды можно рассматривать как случайную репрезентативную выборку. Кроме того, был использован современный энциклопедический словарь М. Власовой «Русские суеверия» [2]. В нем суммировано все разнообразие локальных суеверий XIX в., относящихся к области низшей демонологии. Автор не смешивает представления разных веков, указывает научные источники. К названным изданиям применен метод сплошной обработки данных, а не раздергивание материала на отдельные цитаты, как это обычно делается. Данные этнографов настолько разнообразны, что цитаты в них легко найти для подтверждения любых, даже взаимоисключающих выводов (см. приложение).

Не абсолютизируя полученные цифры, понимая, что на частотность фиксации примет влиял интерес собирателя к определенным сторонам жизни, мы все же сочли возможным сделать выводы о тенденциях в демографической ментальности крестьянства. Перенос полученных наблюдений на Тамбовскую губернию, в которой, к сожалению, в изучаемое время не проводилось крупных этнографических исследований, допустим. В XIX в. в России не было принципиальных локальных различий в степени суеверности населения. Существовали отличия в терминологии, приметах, обрядах, но не в мере смешения христианских и языческих представлений, укоренившихся в бытовом православии.

В качестве дополнительных источников использованы отчеты духовенства и воспоминания членов семей сельских священников.

Изученный комплекс отчетов отцов благочинных и архиепископов Тамбовской епархии за 1891-1917 гг. [3] позволяет утверждать, что православное духовенство епархии было убеждено в так называемом обрядоверии крестьян. Суть христианского вероучения была малоизвестна крестьянству и не очень интересовала его. Главным в повседневном религиозном поведении было соблюдение обычаев. Крестьяне были убеждены в том, что эти обычаи не противоречат догматам православия. Например, благочинный первого Усманского округа в 1908 г. писал: «До сих пор крестьяне на заговоры и наговоры смотрели как на дело, не вменяемое в грех на том основании, что при ворожбе употребляются священные имена Спасителя, Божией Матери и святых угодников» [4]. Свя-

щенник Иоани Спасский в статье в «Тамбовских епархиальных ведомостях» заметил: «Многие обычаи, привитые предками временем простому народу, соблюдаются ими в той священной неприкосновенности, какая свойственна только христианским обрядам. Приметы, поверья в большинстве суеверного характера...» [5]. Часть приходского духовенства недалеко ушла в этих представлениях от своей паствы. В 1909 г. благочинный 4-го Лебедянского округа доложил архиерею, что лично делал облаву на ведьму и усмирял домового [6].

Мы выделили 12 моментов в демографической ментальности крестьян (см. таблицу). Из них в метрических книгах бесспорно фиксировались только случаи крещения, венчания и похорон на кладбище. Случай рождения записывались лишь в связи с крещением. Рождение человека, не получившего крещения, не отмечалось. Свадьба без венчания также не учитывалась. Регистрация смерти была связана не только с церковными, но и полицейскими установлениями. Однако и церковные, и светские власти интересовали случаи смерти взрослого населения и уже подростков детей. Почти не жившие младенцы часто не фиксировались. Поминование умерших, совершавшееся на кладбище, в доме, не записывалось в документы.

Предложенная градация позволяет говорить о том, каким событиям жизненного цикла крестьяне придавали особое значение, подкрепляя церковные обряды суевериями или вообще действуя вопреки христианским требованиям. Столь широкий круг ситуаций лучше отражает реальность, чем традиционный интерес исследователей только к браку и рождаемости, как это, например, делает Б.Н. Миронов [7].

Ожидание ребенка, особенно желанного (первенца, первого сына после дочек, первой дочки после сыновей, жизнеспособного после подряд умиравших и т.п.), тревожило мать. Соблюдаемые приметы были направлены на благополучный исход беременности. Особую опасность, по мнению женщин, представляли сороки-вещицы и бабы-удельницы, способные похитить плод из чрева. Избавиться от этой напасти удавалось с трудом, с обязательной помощью мужа и нередко только во время третьей беременности [8]. Таково представление о причине повторных выкидышей.

Но, судя по суммарным данным, гораздо больше тревог несли сами роды. Тайна момента появления ребенка на свет была не совсем понятна крестьянкам. Именно суеверия, связанные с родами, объясняют разницу в медицинской и церковной статистике. Земские медики фиксировали и выкидыши, и мертворожденных, и мнимоумерших, и рождение уродов. В церковную статистику они не попадали.

Как же осознавали эти неблагоприятные рождения крестьяне? Они считали, что появившееся в таких случаях существо – не человек. Его не называли дитятей, младенцем. Наиболее распространенный термин, применяемый к плоду без уродств: обмен, обменыш. Нечистая сила (в вариантах – леший, домовый, кикимора и т.д.) подменила хорошенького жизнеспособного ребенка женщины на своего. Повитуха обычно не пыталась оживить обмена без признаков жизни и не крестила его. Обменыш мог и выжить, но мать не была обязана о нем заботиться. Крестьянки считали ненормальным, если родственница несколько лет опекала своего обмена-колоду, т.е. неспособного ходить и говорить. Вероятно, это были парализованные новорожденные.

Нежелание женщин сохранять жизнь неполноценному младенцу встречалось и у сельских матушек. Причем, полученное ими в епархиальном училище образование, никак не влияло на это. Дочь священника с. Каменки Тамбовской губернии В.М. Орлова, родившаяся в 1900 г., рассказывала в 1988 г. автору этой статьи об обстоятельствах рождения ее младшего братика. В 1912 г. в семье родился одиннадцатый ребенок. Акушерка, принимавшая затянувшиеся роды у 42-летней матушки, сломала ребенку ручку. С согласия матери она обмыла новорожденного в декабре водой из колодца. Женщины надеялись, что мальчик простудится насмерть и скоро умрет. Они считали, что криворукому просто лучше не жить. Отец окрестил сына, и семья стала ждать появления очередного ангела. К этому времени из одиннадцати рожденных детей умерли младенцами первого года жизни четверо. Не только матери, но и двум старшим замужним сестрам не пришлось в голову обратиться с ребенком в земскую больницу этого же села. Руку не положили в лубок. К ужасу 12-летней девочки, которой отдали нянчить брата, малыш промучился три месяца, а его смерть была воспринята взрослыми как облегчение.

Рожденный урод обозначался словом игоша. Крестьяне чаще всего объясняли, что у этого маленького существа нет рук и ног или они уродливы, большая голова. Игоши не жили. Вероятно, это были выкидыши. Суммарные представления о дальнейшей судьбе игоши – превращение его в беспокойного духа дома. Он будет проказить, как дитя, если его забудут – не положат в определенные дни лишнюю ложку и кусок хлеба и т.п. [9]. Нерегистрация неблагоприятных рождений в понимании крестьян вполне логична. На свет появился не человек. И это как бы не рождение.

Примет, связанных с крещением нормальных новорожденных, мало. Крестьяне вполне довольствовались церковным обрядом. Существовавшие приметы были направлены на желание узнать жизнеспособность ребенка – тонет ли комочек воска с прядью волос и т.п. Интересно, что

предпочтение отдавалось ледяной воде в купели, как залог здоровья. «А как же, кормилец, Христос-то батюшка крестился вишь в кою пору? Объяснение, что Иисус Христос при крещении был уже не двух- трехдневный младенец, а тридцатилетний муж, что Спаситель крестился в стране, где таких, как у нас, холодов не бывает, – не совсем удовлетворяет местных совопросников...» [10].

В Курской губернии при крещении по пути в церковь на перекрестке кум выбрасывал узелок с кусочком глины с печки, угольком и мелкой монеткой. Глина – чтобы вошел в христианскую веру, уголь – чтобы жил долго, монета – чтобы был богат [11]. Нередко сразу после крещения младенцу к кресту вешали ладанку для защиты от болезней [12].

В повседневной жизни наряду с церковным крещением считалось вполне законным крещение слабого малыша повитухой. Бабка произносила короткую молитву, набрасывала на тельце свой крестик и произносила имя. На ее совести оставалось, проделывала она это над еще живым или уже умершим новорожденным. Быстрая естественная смерть такого крещенного малыша должна была утешить мать тем, что появился ангел. Насильственная смерть превращала его в белого голубя [13]. Никаких данных о повторном крещении в храме выживавшего крестника повитухи не встречается. Не исключено, что запись в книге могла вноситься задним числом. При такой практике спешка с крестинами «дабы не умер некрещенным» была не обязательна. Церковь не препятствовала этим обычаям. Священники из года в год писали в своих отчетах, что некрещеными младенцы не умирали, не конкретизируя при этом, где и кем совершалось это таинство. Вероятно, что о рождении, крещении и смерти крещенного повитухой нежизнеспособного малыша записей не делали. Таким образом, большие интервалы между рождением у крестьянок крещенных в храме детей вполне могли быть заполнены неблагополучными родами.

Ожидание первого брака девушками породило огромное количество примет и гаданий. Причем, локальная разница в них невелика, поэтому частотность у М. Власовой намного меньше, чем у этнографов XIX в. Церковь в меру сил боролась с девичьими гаданиями, но совершенно безуспешно. Пассивное ожидание венца создавало благоприятную психологическую почву для них. Следует учесть, что в таблице в графе «ожидание брака» отразились действия очень маленькой половозрастной группы (девушки 12-25 лет). Для них ожидание брака было даже важнее реального сватовства. Самым главным для девушки было вступить в брак раньше подруг. Такое нетерпение вполне объяснимо. В данном случае она могла рассчитывать на первобрачного жениха с благоприятной разницей в возрасте. Засидевшейся в девках грозил брак с

вдовцом или с отвергнутым другими невестами парнем. С судьбой в браке девушка должна была изначально смириться. Отсюда при гадании масса вариантов неблагоприятия: муж может быть и бедным, и пьяницей, и скупым, и старым, и драчливым, и ревнивым. Но изменить судьбу нельзя. Все гадания рассчитаны на единственный брак в жизни и не предполагали развода. При заключении повторных браков приметы не требовались. Это было осознанное обеими супругами житейски необходимое решение. Сватовство и свадьба также не были ориентированы на брак вдовы или вдовца.

Венчание в храме признавалось крестьянами как обряд, необходимый для главного при заключении законного брака – свадьбы. Отношение к нему как к сокровенному таинству нетипично. Благочинные все время жаловались на смех, неприличный говор и шум в храме во время венчания, на требования крестьян укоротить длинную церемонию. Характерна фраза: «На свадьбах по крайней мере хоть около церкви и в церкви соблюдается какой-то порядок» [14]. Обрядовое отношение к этому христианскому таинству сполна отразилось в приметах, связанных с предугадыванием ролей в семье (кто первый наступил на подножие), судьбы (чья свеча больше сгорела, не уронили ли венец). В качестве дополнительных мер для счастливой судьбы новобрачных использовались обряды, далекие от христианства. Серьги невесте при одевании вдевает самая счастливая супруга, в храме не должны присутствовать вдовы, дабы не накликать беду на молодую, подруга невесты, спешащая выйти замуж следом за ней, должна тайком заполучить одну из булавок, воткнутых в подвенечный наряд от сглаза [15]. Наконец, более чем желательны проводы свадебного поезда к венцу колдуном. В противном случае была опасность обращения молодых и поезжан в волчью свадьбу. Колдун давал перед венчанием привески к нательным крестам и при этом читал молитву. Если такой факт доходил до церковного начальства, то колдуна наказывали епитимьей [16].

Кульминацией заключаемого брака была свадьба. Венчание без нее, по мнению крестьян, делало брак незаконным, а вот свадьба без венчания все равно узаконивала супружество. Духовенство постоянно жаловалось на свадебный разгул. Соблюдение многочисленных свадебных обычаев было обязательно. Свадьба в крестьянской ментальности занимала значительное место как залог нормальной жизни. От нее зависело и решение хозяйственных проблем, и рождение детей, и наличие потомков для похорон и поминания душ предков. В предсвадебных гаданиях не было варианта подгой безбрачной жизни. Альтернативой счастливому или несчастному браку считалась смерть.

Священник приглашался в дом не всегда. После возгласения ектеньи его усаживали в конце столов и больше не обращали на него внимания. Зато при свадьбе с колдуном тот занимал почетное место близ молодых. Именно на такое место и претендует колдун в известной картине художника XIX в. В.М. Максимова «Приход колдуна на свадьбу», впервые представленной зрителям в 1875 г. С.В. Максимов излагает крестьянские рассказы о соперничестве двух колдунов на одной свадьбе в книге «Нечистая сила», впервые изданной в 1899 г. [17]. Свадьба с колдуном в Елатомском уезде Тамбовской губернии описана в 1889 г.: «Как только уходит священник, посылают обыкновенно за колдуном... нечистые люди колдуны, не надо знаться с ними, но не след и раздражать их... Родители жениха всегда позаботятся об этих гостях и с поклонами отправят к нему подружье...» [18].

Локальные различия в свадебных суевериях невелики. В их основе сугубо языческие представления о браке.

Сведениями о том, как игралась свадьба при повторном браке мы не располагаем. Не исключено, что вторые и третьи браки не всегда регистрировались в церкви. На них лежал отпечаток представлений о греховности. Судя по делам о прошениях на второй брак, сохранившимся в фонде Тамбовской духовной консистории, крестьяне не всегда получали разрешение на него. Повторных прошений не подавали. Маловероятно, что отказ обрекал их на дальнейшую праведную безбрачную жизнь.

Тайна смерти вызывала у крестьян и ужас, и любопытство. В приметах отразились страх перед самой смертью, перед умирающими и умершими, желание оградить мир живых от вмешательства мертвых, попытки представить загробную жизнь. Именно по этим вопросам встречается максимальное количество местных представлений, терминов и обычаев. Например, чего стоит разнообразие крестьянских толкований причин появления, облика и действий русалок, а также защиты людей от них.

Главным в отношении к смерти была очевидность причины гибели человека. Это вселяло надежду на безопасность мертвеца для живых. Именно к такому отношению восходят распространенные в метрических книгах первой половины XIX в. общие для большинства умерших формулировки причин смерти: «натуральной болезнью», «по воле божьей». По крестьянским представлениям, сразу попадали в рай умершие родами женщины, умершие от оспы, убитые молнией.

Скоропостижная смерть от других причин вызывала недоумение и страх. Даже убитым на войне солдатам крестьянские суеверия отводили на небе лишь место в качестве караульных у райских врат. М. Власова отмечает особенности крестьянских представлений о душе: «Понятия

народа о душе не тождественны каноническим христианским. Они сохраняют (естественно, в трансформировавшейся на протяжении столетий форме) дохристианские представления о душе как о сложном сочетании «прижизненных и посмертных состояний человека» (душа, неразрывно связанная с телом, и душа «свободная», которая способна перейти к новорожденному; душа-двойник и душа-птица; душа-дуновение, дыхание, тень)» [19]. Потенциальная неприкаянность души умершего особенно пугала крестьян. Отсюда столько предосторожностей в первые мгновения после смерти, в которых сплелись христианство с язычеством. Например, в чашке воды в изголовье умершего ангел должен искупать душу усопшего так же, как люди обмывают его тело. В представлении тамбовских крестьян «душа человека есть нечто вроде маленького человека, находящегося внутри большого обыкновенного человека... Значит чашка или стакан, поставляемый крестьянами при смертных случаях, изображает своего рода вторую купель, по поместительности совершенно достаточную для того, чтобы в ней погрузиться душе...» [20].

Мир всяческой нечисти населен неприкаянными душами утопленников, людей, растерзанных зверями, самоубийц, опойц, замерзших путников, некрещенных младенцев. Похороны таких покойников нуждались в особых предосторожностях, далеких от христианства. Полицейские инструкции требовали от духовенства не хоронить скоропостижно умерших, утопленников и самоубийц без расследования. Только после него разрешалось или не разрешалось христианское погребение. Ни одна полицейская инструкция не требовала похорон самоубийц вне населенных пунктов. Тем не менее, такие случаи встречались. Например, в метрической книге с. Рассказова в графе «кто совершал погребение и где погребены» 14 января 1832 г. об удушившейся жене тамбовского мещанина Феодосия Стефановой Целевской было записано «в лесу без погребения» [21]. Здесь явное соблюдение древнего обычая оставления самоубийцы как можно дальше от села, чтобы он не вредил живым. Однако и на территории сельского кладбища можно было найти разные места для могилы. Например, обычай требовал хоронить опойцу в низком месте (в идеале вообще в болоте), чтобы село не постигла засуха.

Несомненно, не фиксировалось церковью погребение некрещенных младенцев. Игошу старались похоронить в доме под порогом, в подполе, бане, огороде. Это делал отец тайно ото всех, чтобы обеспечить благосклонность духа к семье. Обменша нужно было закопать подальше от дома, обычно на перекрестке дорог [22]. Обменшами считали не только мертворожденных, но и скоропостижно умерших нормальных малышей первых дней жизни. Похоже, что факт их крещения или некрещения был

вторичен по сравнению с обстоятельствами смерти. Было хорошенькое дитя, не уберегли. И вот вместо него в одночасье оказался похожий мертвый детеныш то ли лешего, то ли еще какой-то нечисти. У окаянных дети не живут, вот и воруют человеческих. Не в храм же обменаща нести. Скорее закопать и все. А несчастный украденный младенец делается то ли кикиморой, то ли русалкой. Отсюда происходило довольно жалостливое отношение крестьянок к водяной и лесной нечисти.

Болевший же умерший крещенный ребенок становился ангелочком. Ведь причина его смерти была очевидной. Хоронили его на кладбище, но так как отпевание невинной душе не нужно, то в метрике факт смерти и погребения могли и не записать. Если в Западной Европе в XIX в. даже мертворожденных крестьянских детей отпевали в церкви и хоронили с колокольным звоном [23], то в России этого не делали и в начале XX в. Дочь сельского священника С. Самуилова в своих мемуарах писала, что малышкой было не принято хоронить с выносом, а в похоронах не участвовали ни духовенство, ни старшие родственники. Гробик нес кто-то из старших детей. За ним шла мать. В церковь даже и не заходили [24].

И, наконец, еще одна категория мертвых младенцев, отсутствующая в сельских метрических книгах, но регулярно встречающаяся в полицейских сводках – непохороненные убитые новорожденные: задушенные, брошенные в колодцы, болота, реки, овраги, навозные кучи нежеланные дети. Далеко не всех их находили. Если они крещенные, то по крестьянским суевериям превращались в белых голубков.

Таким образом, крестьянская ментальность включала все обстоятельства смерти и погребения, в то время как официальная церковная статистика фиксировала пусть большую, но все же часть. Так что определенный процент «потери смертей», особенно детских, при демографических исследованиях неизбежен.

Отношение сельского населения к смерти было фаталистическим. Анализируя отношение паствы к смерти родных, отцы благочинные в один голос отмечали убежденность прихожан в том, что на все есть воля Божия. Образованных священников огорчало заброшенное состояние сельских кладбищ, по которым беспрепятственно бродил скот.

Существенным в отношении крестьян к смерти было поминание умерших. Так как заупокойные службы были одним из источников доходов клира, то их проведение отражалось в церковной документации. Общее резюме всех отчетов – крестьяне экономили на услугах церкви по поминовению. Преобладали похороны по дешевому 3-му разряду, сорокоустов мало, панихиды почти не заказывались. Например, в 1915 г. священник Архангельской церкви села Ново-Гаритова писал: «Прихожане

слабо веруют в молитвенное ходатайство св. Угодников Божиих перед Богом за нас и действительность их молитв, а равно – молитв перед Богом за умерших. Следствием этого является то, что прихожанами почти совсем не служатся в церкви молебны, а равным образом и панихиды, и сорокоусты по умершим сродникам» [25]. И это во время первой мировой войны, ежедневно увеличивавшей список потерь.

Судя по этнографическим источникам, поминание считалось важнее, чем похороны. В XIX – в начале XX в. главной формой поминовения оставалась ритуальная еда в доме или на могиле умершего, а также поданная нищим и сиротам на помин его души. Священники отмечали: «По случаю поминовения родных своих многие из прихожан кормят нищих и бедных, некоторые делают пожертвования на улучшение стола местных арестантов» [26]. Тамбовские крестьяне считали, что «блины, намазанные медом, канун, кутья (сыта) как сладкие вещества – предметы, составляющие лучшее кушанье в крестьянском быту, служат символами будущего наслаждения поминаемого усопшего в райских обителях» [27]. Считающего себя христианином крестьянина заботило не спасение души умершего, а «сытость» этой души.

В поминальных трапезах крестьяне решали и сложную для себя проблему поминовения некрещенных родных, прежде всего младенцев, и людей, лишенных христианского погребения. Существовали обычаи заочного крещения матерью уже давно умершего и похороненного ребенка. После такого, не имеющего ничего общего с христианством, обряда наречения имени семья считала законным его поминание даже в церкви. Лишенных христианского погребения самоубийц поминали, оставляя еду на их могилах. Поминальную еду клали и на перекрестках дорог, и за оградами кладбищ, где погребали некрещенных [28]. Века христианства все же не изменили у крестьян языческих корней отношения к смерти.

Осознание исследователями «вилки» между возможностями церковных источников и реальным поведением и ментальностью крестьянства должно помочь в изучении демографических процессов в XIX в.

Примечания

1. См.: Даль В.И. О повериях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., 1996; Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. Собр. М. Забытым. Репринтное воспроизведение издания 1880 г. Симферополь, Таврида, 1992; Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. М., 1996.
2. См.: Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1998.

3. См.: ГАТО. Ф.181. Оп.1. Д.1792,1808, 1817, 1835, 1880, 1959, 1961, 1963, 2062, 2063, 2065, 2072, 2073, 2076, 2080, 2092, 2137, 2157, 2176, 2178, 2179, 2196, 2310.
4. Там же. Д.2076. Л.46.
5. Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. С.449.
6. См. ГАТО. Ф.181. Оп.1. Д.2092. Л.75.
7. См.: Миронов Б.Н. Социальная история России. Т.1. С.160-167.
8. См.: Власова М. Указ соч. С.83, 499.
9. См.: Даль В.И. Указ. соч. С.50; Забылин М. Указ соч. С.249.; Власова М. Указ. соч. С.209, 363.
10. Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. С.451.
11. См.: Власова М. Указ. соч. С.267.
12. См.: Там же. С.383.
13. См.: Там же. С.82.
14. ГАТО. Ф.181. Оп.1. Д.2080. Л.97.
15. См.: Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. С.453; Даль В.И. Указ. соч. С.84, 96.
16. См.: Власова М. Указ. соч. С.152.
17. См.: Максимов С.В. Указ. соч. С.62-63.
18. Звонков А.П. Современные брак и свадьба среди крестьян Тамбовской губернии Елатомского уезда // Известия императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Труды этнографического отдела. Т.61. М., 1889. №9. С.45.
19. Власова М. Указ. соч. С.152.
20. Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. С.456.
21. ГАТО. Ф.1049. Оп.5. Д.4915. Л.72 об.
22. См.: Забылин М. Указ. соч. С.63; Даль В.И. Указ. соч. С.50, 52, 97; Власова М. С.82, 209, 267, 363; Максимов С.В. Указ. соч. С.41, 54, 56, 58.
23. См.: Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII – XX в.): Пер. с нем. М., 1997. С.41.
24. См.: Самуилова С.С., Самуилова Н.С. Отцовский крест: Острая Лука. 1908-1926. СПб., 1996. С.120.
25. ГАТО. Ф.181. Оп.1. Д.2178. Л.313.
26. Там же. Д.1835. Л.151.
27. Тамбовские епархиальные ведомости. 1882. С.459.
28. См.: Забылин М. Указ. соч. С.64-65.

Частота и частотность упоминаний этнографов
о демографических обрядах и суевериях

Автор	Рождения			Брак						Смерть				Всего								
	Смертие ребенка	Роды	Кре- сти- ние	Смертие браха	Святство	Венчане	Свадьба	Смерть	Похороны на кладби- ще	Похороны крещеного вне кладби- ща	Похороны нереженно- го вне кладбища	Поминание умерших	%									
															%	%	%	%	%	%	%	%
Даль В.И.	3	4,4	6	8,8	2	2,9	5	7,4	13	19,1	17	25	3	4,4	-	4	6	-	68	100		
Забу- лин М.	4	4	6	6,1	-	6,1	-	-	38	36,4	6	25	12	12,1	1	-	1	7	99	100		
Михаи- лов С.В.	3	5,5	3	5,5	-	3,6	-	-	14	25,5	2	11	8	14,5	3	5,5	2	3,6	8	14,5	100	
Власова М.	16	9	30	11,4	2	0,8	14	5,3	17	6,4	120	45,5	9	3,4	12	4,5	11	4,2	31	11,7	264	100

ПРОБЛЕМА СУЩЕСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКИХ БРАКОВ В ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ, XIX в.

Изучение демографического поведения населения Тамбовской губернии в XIX в. предполагает и исследование некоторых вопросов брачной практики, в частности проблему существования гражданских браков. «Гражданский брак» – понятие современное. В XIX в. подобные браки назывались просто «блудным сожительством». Под это определение попадали невенчаные и незаконные браки. Незаконным брак признавался, если венчание было совершено при наличии препятствий, по закону его не допускающих.

В традиционном обществе невенчаные мужчина и женщина, состоявшие в супружеских отношениях, пытались скрыть этот факт. Гражданские супруги или как их называли в XIX в. «сожители» всегда утверждали, что их брак законный, что они были венчаны. Но при подробном разбирательстве оказывалось, что супруги не могут назвать точную дату своего венчания, имя священника, который совершал обряд, церковь, в которой якобы венчались, а также имена свидетелей, присутствовавших при этом событии. Одним из главных доказательств венчания являлась запись в метрической или обыскной книге. Чаще всего с этой записи и начиналась проверка законности брака. В случаях гражданского брака эта запись отсутствовала, и ложь супругов открывалась.

Гражданские браки в XIX в. были явлением, характерным для зрелых людей, чаще всего уже побывавших в браке. Нам почти не встречалось случаев гражданского сожительства среди молодежи [1]. В сознании людей того времени такого в принципе не могло быть. К тем, кто уже был в браке, имеет детей, относились снисходительно. Однако молодые женщины чаще всего вступали в гражданские браки, совершая побег от неугодного мужа или жениха. Церковь во всех подобных случаях приказывала им вернуться и наказывала 7-летней епитимьей [2].

Общественное мнение всегда отрицательно смотрело на гражданские браки. Большие сомнения вызывал у односельчан даже законный брак, если он был заключен «на стороне», в чужом приходе, и если на свадьбе не гуляла вся деревня. Однако односельчане сомнения высказывали обычно «за глаза», осуждали, подсмеивались и сплетничали чаще всего между собой, не сообщая властям. Доносы от населения были редкостью, только если кто-то пытался «насолить» другому по каким-либо причинам.

Контролем в области супружеских отношений занималась церковь. Поэтому все сообщения о невенчаных и незаконных браках исходили от священно- и церковнослужителей соответствующих приходов.

Бывали случаи, когда мужчина и женщина действительно были повенчаны, но их брак признавался незаконным, поскольку его свидетели умерли, а венчавший священник на допросе отказался отвечать на вопросы. Это значит, что он знал о беззаконии, но был подкуплен, обманут или вынужден подчиниться по каким-то причинам [3]. Незаконные браки венчались в подавляющем большинстве случаев в чужом приходе. А общали о них в Духовную консисторию священно- или церковнослужители того прихода, к которому принадлежали виновники.

Подобные браки были явлением довольно распространенным в обществе. Их число больше, чем браков невенчаных. Церковная власть строго запрещала и те, и другие. В случае обнаружения незаконного брака супруги объявлялись сожителями, как и в случае брака невенчанного. Им приказывали «разлучиться вовек», наказывали церковной епитимьей на определенный срок, отстраняли от святого причастия. Дети считались незаконнорожденными. После исполнения наказания разрешалось вступить в законный брак, если ему не будет препятствий.

Более всего гражданские браки были распространены в среде солдаток. Эта категория населения была довольно большой. Зачастую солдатка, у которой муж долго находился на военной службе, вступала в незаконные супружеские отношения. Иногда такие браки существовали без положенного обряда, но чаще они незаконно венчались. Священника выбирали сговорчивого, убеждая, что муж погиб на войне или пропал, что о нем уже не слышно более 5 лет [4].

Общественное мнение не сильно осуждало солдаток. Особенно тех, которые были вынуждены выходить замуж, т.к. сами были не в состоянии прокормить детей. Если даже через много лет объявлялся первый законный муж, то брак солдатки признавался незаконным, и женщину возвращали первому супругу. В подобных случаях именно по просьбе первого мужа и начиналось разбирательство, в ходе которого открывалось сожительство. Иногда и односельчане, и священнослужители уже не помнили о существовании законного мужа ввиду его долгого отсутствия и считали нынешнего супруга настоящим [5].

По брачному законодательству солдатка, вступая в брак, должна была предоставить документ от военного ведомства о том, что муж погиб или давно пропал без вести. Однако солдатки не очень стремились к оформлению отношений. Главным для них было прокормить себя и де-

тей, а желание венчаться в церкви было характерно и необходимо для юных особ.

Некоторые священники слишком тщательно следили за браками солдат. Они сообщали в Духовную Консисторию о необходимости провести расследование законности брака, даже если муж отсутствовал 13 или 25 лет. В таких случаях браки оставались без расторжения со ссылкой на указ Святейшего Синода от 19 июня 1801 года, который гласил, что такие браки не расторгаются, если нет достоверных сведений о живых супругах.

Таким образом, гражданские браки в XIX в. существовали не потому, что люди не желали оформлять свои супружеские отношения, а потому что был очень затруднен и почти невозможен для них официальный развод. Гражданских браков как таковых, когда люди сознательно живут как супруги, но не венчаются, практически не было. Это редкие случаи, которые тщательно скрывались от общества и власти. Население всегда предпочитало не начинать развод, а просто жить отдельно. Кроме того, для сельских жителей получение официальных бумаг всегда было проблематично из-за неграмотности. Супруги, которые были повенчаны незаконно, вообще не считали себя виновными, тем более сожителями. Своих детей они считали вполне законными. Также выглядели они и в глазах общественности.

Церковь всячески препятствовала незаконным отношениям, наказывая за проступки как прихожан, так и священно- и церковнослужителей. Однако жители губернии приспособивались на бытовом уровне к условиям жизни, не сильно страдая и не считая себя великими грешниками.

Примечания

1. См.: ГАТО. Ф.181. Оп.1. Д.399. Л.1-11.
2. См.: Там же. Д.344. Л.83-85.
3. См.: Там же. Л.30-31.
4. См.: Там же. Л.101-102.
5. См.: Там же. Д.371. Л.11.

Р.Б. Кончаков

Тамбовский государственный университет

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ ИСТОРИИ РУССКИХ КРЕСТЬЯНСКИХ СЕМЕЙ XIX В. СРЕДСТВАМИ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Всякий, кто работал с массовыми источниками, хорошо понимает, что сбор материала и удачная организация базы данных – важные этапы

исследования. Однако успешное завершение этих этапов знаменует только начало кропотливой работы по обработке накопленного материала. И если сбор и формализацию данных источников возможно осуществить без привлечения ЭВМ (например, карточные формуляры и разноцветные карандаши Л. Анри и А. Блюма в первых опытах применения метода ВИС), то полноценная обработка этих материалов, если и возможна, то потребует значительного времени и усилий многих людей.

Сформировавшиеся подходы к созданию электронных копий источников определяют две тенденции в создании баз данных по многим областям социальной истории. Различие определяется полнотой воспроизведения данных источника. Так, в рамках структурно-ориентированного подхода достаточно помещать в базу только те сведения, которые явно необходимы исследователю для работы. Хотя такие БД формируются сравнительно быстро, область их применения сужается. Источнико-ориентированный подход состоит в возможно более полном переводе структуры и информации источника в электронный вид. Большие трудозатраты, таким образом, компенсируются большей информационной емкостью источника. В последнее время явно преобладает второй подход, позволяющей более детально изучать источники, переведенные в машиночитаемый вид.

Доминирование источнико-ориентированного подхода ставит перед исследователями проблему обработки огромных массивов информации. Причем речь идет не только о приемах статистического анализа, но и содержательного анализа. Некоторые данные можно получить, только используя агрегированные показатели. Так, сведения о социальной мобильности получаются не только после механического объединения данных нескольких источников, но выделения отдельных персоналий и агрегирования сведений о них за несколько периодов. Подобные операции стандартными средствами осуществить крайне сложно, а иногда и невозможно. Принимая во внимание все многообразие источников и исторических проблем, наверное, невозможно говорить о создании некоего универсального средства.

Решение проблемы состоит в том, что большинство современных языков программирования включают в себя широкие возможности по работе с базами данных. С другой стороны, СУБД также обзаводятся программируемой частью. На наш взгляд, использование этих средств для решения проблемы обработки источнико-ориентированных БД наиболее обоснованно. Они предоставляют возможности разработки приложений, ориентированных на содержательный анализ информации конкретной структуры и данных определенных типов.

Мы не случайно вспомнили метод восстановления истории семей, предложенный шведским ученым Х. Хюрениусом [1] в начале 1940-х гг. и наиболее развитый французским демографом Л. Анри. История семьи является ключом к пониманию многих процессов социальной истории. Однако отмечая эффективность этого метода, исследователи упоминают о его чрезвычайной трудоемкости вследствие использования большого количества источников (иногда разных видов) и последующей агрегации данных. Последнее особенно затруднительно, т.к. ВИС требует сопоставления данных об одном человеке, оставленных в источниках, появившихся в разное время. Проблемы, связанные с изменением имен, исчезновением и появлением членов семьи, причинами изменения типа семьи – вот небольшой перечень трудностей, подстерегающих исследователя. Поэтому использование возможностей ЭВМ здесь как нельзя оправдано [2].

Придерживаясь источник-ориентированного подхода, мы подготовили несколько баз данных, содержащих сведения о демографическом поведении крестьян отдельных тамбовских сел за промежуток порядка 100 лет. Основой послужили метрические книги и ревизские сказки (хорошо сохранившиеся материалы ревизий 1811, 1816, 1834, 1850 и 1858 гг.). Логическая структура этих БД, в принципе, тождественна структуре источников.

Платформой для создания БД и системы ВИС послужила СУБД MS Access 97, сочетающая возможности реляционной системы управления базами данных с возможностями гибкого конструктора интерфейсов.

Восстановление истории семьи было решено начать с семей, записанных в ревизские сказки 1858 г. Несмотря на то, что этот год является концом наблюдения, есть несколько причин «начать с конца». Главной из них является отсутствие фамилий и изменение имен у многих крестьян – объектов исследования вплоть до середины XIX в.

Теоретическая схема работы такова:

- 1) составляется список упоминаний всех имен крестьян с указанием года и источника, а также индивидуального идентификатора в каждой базе данных;
- 2) берется семья-опора из ревизии 1858 г.;
- 3) определяется самое раннее упоминание о главе семьи в общем списке имен;
- 4) предпочтение отдается семьям, главы которых фиксируются в нескольких ревизиях;
- 5) данные о каждом члене семьи-основы ищутся в списке упоминаний и помещаются в отдельную таблицу;
- 6) восполняются пробелы на основе анализа крайних событий.

Следует отметить, что годы ревизий, за которые мы знаем состав семьи, определяются как опорные. Записи метрических книг дополняют их, но, в основном, благодаря ревизским сказкам мы можем делать предположения о динамике семей в периоды между ревизиями.

Запись метрической книги, несмотря на то, что она касается единственного демографического события, содержит сведения о людях, причастных к этому событию косвенно. Так, в записи о крещении упоминаются новорожденный, его отец и мать, крестные отец и мать. Таким образом, мы имеем сведения о 5-ти субъектах исследования.

Чтобы получить общий список имен, мы должны выделить все персоналии, встречающиеся в наших источниках. Такой список создается на основе нескольких запросов-выборок к БД и содержит основные сведения о персоналии, год и источник упоминания, а также ссылку на запись в соответствующей базе.

Ключевым моментом является определение и однозначная идентификация члена семьи. Поиск в базе осуществляется как по ФИО в целом, так и по отдельным компонентам имени. Предусмотрено использование фонетического алфавита, когда имя преобразуется в структуру, состоящую из первой буквы и согласных, шаблонов подстановки и т.д. Использование различных методик поиска допустимо в различных комбинациях. Окончательный вывод, конечно, делает эксперт, но система анализа позволяет сократить число вероятных претендентов с нескольких десятков до 2-3. Теоретически возможно автоматизировать этот процесс и доверить анализ «кластера связей» [3] компьютеру. Возможно, когда-то это и будет сделано, но обязательным условием этого является наличие электронного банка данных всей необходимой информации (а это увеличение затрат на сопутствующие работы), которой эксперт априори обладает и обращается к ней интуитивно.

Наличие источников за длительные периоды, содержащих персонализированные сведения, неизбежно приводит к возникновению избыточности. Например, факт брака может дать нам основание начать историю новой семейной ветви, факт рождения нового члена семьи скажется на ее характеристиках как совокупности работников и едоков и т.д. Однако факт упоминания одного из членов в качестве крестного отца или матери, восприемника при венчании и т.п. может считаться неважным при наличии за этот год упоминания той же персоналии в записи рождения, брака или смерти как о человеке, прямо причастном к данному событию. Второстепенное упоминание может считаться значимым, если оно единственное за этот год или последнее известное упоминание. Та-

ким образом, вводится классификация упоминаний на значимые и второстепенные по сочетанию упоминаний за один период времени (год).

Определенные таким образом персоналии перемещаются в отдельную таблицу, где классифицируются по ветвям семейной истории. После того, как определено самое раннее упоминание о главе семьи-основы, составляется базовая семья [4], развитие которой привело к формированию, в конечном счете, семьи-опоры. Процессы, происходящие с семьей, характеризуются событиями среди членов семьи (рождения, браки, смерти, выбытия) и событиями семейных ветвей (выделение и распад семей). Каждый человек в рамках такого подхода принадлежит к определенной семейной ветви (к одной в один период времени).

Член каждой семейной ветви характеризуется номером (индексом) базовой семьи, индексом семейной ветви и индексом главы семьи. Первые два показателя характеризуют семью подобно генеалогическому дереву. Индекс главы семьи важен, так как теоретически каждый член семьи (ветви) имеет возможность стать главой. Этот индекс показывает, что данный член семьи – глава и дает возможность определить, происходила ли раньше в этой семье смена глав. Помимо индексов каждого члена семьи характеризуют отношения родства с главой семьи (ветви), пол, возраст (на период базовых лет), брачный статус. Сохранение идентификационных номеров персоналий позволяет получать доступ к записям в электронных копиях источников, т.е. к полной информации о персоналии.

Данная работа позволяет реконструировать семейное «дерево» по базовым годам (ревизии) и событиям (метрики). Эта структура служит основой для расчета погодных показателей, характеризующих семью в целом. Таким показателем является коэффициент соотношения едоков-работников, предложенный для характеристики этапов развития крестьянской семьи как дворохозяйства русским экономистом А.В. Чаяновым. Для получения этого показателя необходимо знать половозрастной состав семьи на каждый год ее существования.

Таблица, содержащая семейное «дерево», естественно может иметь пробелы. Тогда на основании анализа крайних данных делается вывод о произошедших изменениях или их отсутствии. Если точная дата события неизвестна, но оно относится на середину интервала между крайними событиями, дата которых известна.

После «реконструкции» пробелов показатели, подобные коэффициенту едоков-работников, рассчитываются программой погодно, учитывая естественные изменения в половозрастной структуре.

Применение ЭВМ в исследованиях по социально-демографической истории оправдано вследствие наличия массовых, хорошо структуриро-

ванных источников, отражающих изменения не только конкретно-исторических показателей, но и изменения самих характеризующих их показателей. Конечно, определение наиболее предпочтительного варианта из предложенных есть дело исследователя, но задачи идентификации и агрегирования показателей требуют выполнения огромных объемов работы, которая легко поддается алгоритмизации и может быть выполняема компьютерной программой.

Примечания

1. См.: Hyg nius H. Estlands svenskarna. Demografiska studier. Lund, 1942.
2. К таким выводам приходили все исследователи, занимавшиеся историей семей в эру ЭВМ. Например, работы Х. Палли (середина 1970-х гг.) содержат алгоритмы программ обработки созвучий имен.
3. Понятие предложено О. Боонстра для совокупности характеристик определяющих уникальность персоналии: анализ «кластера связей» дает возможность сделать предпочтение одного из двух вероятных вариантов.
4. Чаще всего это семья, где родился или встречается с наименьшим возрастом будущий глава семьи-опоры.

М.К. Акользина, В.В. Канищев
Тамбовский государственный университет

ВЛИЯНИЕ ТРАДИЦИЙ АГРАРНОГО ОБЩЕСТВА НА СТРУКТУРУ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Принципиальные подходы тамбовских историков к изучению истории семьи в период модернизации аграрного общества уже изложено в статье об истории крестьянской семьи губернии [1]. В предлагаемой статье авторы попытались рассмотреть особенности становления современного типа семьи среди тамбовских горожан.

Важным источником для изучения семьи первой половины XIX в. послужили материалы 7-10-й ревизий по различным сословиям типичного среднего уездного города Моршанска. Несмотря на некоторую неполноту информации, по каждой из ревизий представлено большинство мещанских, купеческих и крестьянских семей города. Сотни семей с точки зрения статистики являются надежной выборкой для структурного анализа. Проанализированы также данные о семьях разных категорий населения, пришедших на исповедь в одном из приходов Моршанска в 1850 г.

Особо отметим, что в городских исповедных ведомостях разделялись семьи домохозяев, квартирантов и прислуги. Временная близость и структурное сходство исповедной ведомости и ревизских сказок того же года позволяют сравнивать два источника и уточнять параметры конкретных семей. Привлечены также разнообразные материалы текущего учета различных слоев населения (дворянства, чиновничества, мещанства) конца XVIII – первой половины XIX в. по Тамбовскому уезду и городам Тамбову, Моршанску и Кирсанову, отложившиеся в различных фондах Государственного архива Тамбовской области (Ф.2. Губернское правление; Ф.16. Тамбовская городская дума; Ф.17. Тамбовская городская управа; Ф.161. Тамбовское губернское дворянское собрание. Ф.181. Тамбовская губернская консистория).

Опубликованные обобщенные материалы переписи 1897 г. позволяют изучать только средние размеры городских домохозяйств на уровне отдельных городов. Поэтому дополнительно использовались материалы текущего делопроизводства (клировые ведомости городских церквей, посемейные списки купцов, формулярные списки чиновников и др.) за 1850-1910-е гг.

В целом источники содержат достаточно сведений для анализа структуры семей различных городских сословий в указанный период.

В работе сознательно не анализируется городская семья вообще, поскольку употребление таких широких абстракций, не существовавших в реальной жизни, противоречит сути микроисторических исследований, направленных на изучение конкретных явлений.

Таблица 1

**Средний размер ревизских семей различных сословий
Моршанска в первой половине XIX в.**

Год	1816		1833				1850			
	Мещане		Купцы		Дворяне		Купцы		Мещане	
Размер	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
1	33	9,8	9	4,0	25	50,0	18	9,2	67	33,3
2-5	199	58,9	66	29,3	24	48,0	43	22,0	98	48,8
6-10	92	27,2	76	33,8	1	2,0	65	33,3	34	16,9
11-15	13	3,8	36	16,0	0	0	37	19,0	1	0,5
16-20	1	0,3	20	8,9	0	0	14	7,2	1	0,5
21-26	0	0	10	4,4	0	0	10	5,1	0	0
Свыше 26	0	0	8	3,6	0	0	8	4,2	0	0
Итого	338	100	225	100	50	100	195	100	201	100

Источники: ГАТО. Ф.12. Оп.1. Д.681, 1102, 1374, 1757, 1759.

Как видно, у мещан в 1816-1850 гг. втрое увеличилась доля семей, в которых проживали одинокие люди, но на 10% уменьшилась доля семей

из 2-5 человек, более чем на 10% – семей из 6-10 человек, почти не стало семей, в которых проживало более 15 человек. Группировка семей купечества по числу членов в 1833-1850 гг. почти не изменилась. Немного сократилась доля семей в 2-10 чел. – с 63% до 55%. С другой стороны, увеличился удельный вес купеческих семей, состоявших из одиноких людей – с 4% до 9% и очень больших семей (более 10 чел.) – с 33% до 35,5%. Купеческая семья оставалась больше мещанской и сравнительно прочной по людности. Доли семей дворовых, проживавших в городе, состоявших из одиноких бессемейных лиц и из 2-5 человек, в 1833 г. были практически одинаковыми.

На протяжении 1830-1840-х гг. увеличилось среднее число членов ревизской купеческой семьи Моршанска – с 9,7 чел. в 1833 г. до 10,4 чел. в 1850 г. Среднее же количество членов мещанской семьи уменьшилось с 4,8 чел. в 1816 г. до 3,4 чел. в 1850 г.

Таблица 2

**Типология ревизских семей Моршанска
в первой половине XIX в. (в %)**

Тип семьи	Купцы		Мещане		Дворовые
	1833	1850	1816	1850	1833
1.1. Одинокие вдовцы	1	5,5	2	7	4
1.2. Одинокие (неизв. Брачный статус)	3	4	7	26	61
2.1. Несемейные кровные родственники	1	–	2	5	11
2.2. Др. родственники, живущие вместе	–	2,5	0,5	2	–
2.3. Лица, явно не состоящие в родстве	–	–	0,5	–	–
3.1. Супружеская пара	4	2,5	8,5	11	7
3.2. Супруги с детьми	28	20	38	25	13
3.3. Вдовцы с детьми	1	2	2	2	4
3.4. Вдовы с детьми	1	2	5	4	–
3.5. Солдатки с детьми	–	–	0,5	–	–
4.1. Супруги с детьми и вдовыми родителями	6	2	7	3	–
4.2. Супруги с детьми и племянниками	–	–	0,5	–	–
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	1	0,5	0,5	1	–
4.4. Сочетание предыдущих сочетаний	6	5	9	7	–
5.1. Вдовы и вдовцы с женатыми и неженатым и детьми и внуками	6	4	3	1	–
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	19	21	8,5	2	–
5.3. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и племянниками	1	–	0,5	–	–
5.4. Семьи братьев/сестер с женатыми и неженатыми детьми	7	11	4	2	–
5.5. Прочие типы расширенных семей	15	18	1	2	–

Источники: ГАТО. Ф.12. Оп.1. Д.681, 1102, 1374, 1757, 1759.

Таблица показывает, что среди купеческих семей Моршанска в 1833 г. наиболее распространены были большие составные семьи (тип 5) – 48% всех семей, часто встречались простые малые, нуклеарные семьи, состо-

явшие только из супругов или супругов с неженатыми детьми (тип 3) – 34%, наименее распространены среди купеческих семейств были семьи, состоявшие из одиночек (тип 1) – 4% или одиноких, не образовавших семьи, родственников (тип 2) – всего 1%. В середине века увеличилось число больших составных семей купцов – до 54%. Сократилась доля простых малых семей купечества – до 26,5%. Очень заметно поднялся удельный вес купеческих семей, состоявших из одиноких людей – до 9,5%.

У мещан распространенность типов семей в первой половине XIX в. была другой. В 1816 г. наиболее распространенными были нуклеарные семьи – 54%. Им намного уступали расширенные и составные семьи (типы 4-5) – в сумме 33%. Наименее часто у мещан встречались семьи, состоявшие из одного человека – 9% и одиноких родственников – 3%. В 1850 г. по-прежнему большинство семей мещан относилось к типу 3. Но их доля значительно уменьшилась – до 43%. Резко увеличилась среди мещан доля одиноких людей – до 33,2%. Значительно меньше в середине XIX в. стало больших мещанских домохозяйств (типы 4-5) – 19%.

Среди дворовых крестьян в 1833 г. преобладали одинокие – 65% семей, в т.ч. 61% лиц, не состоявших в браке. Нуклеарные семьи составляли 24%. Расширенные и составные семьи у дворян в городах полностью отсутствовали.

Таким образом, по данным ревизского учета, в Моршанске в течение первой половины XIX в. увеличивалось количество составных купеческих семей, что можно объяснить необходимостью консолидации купечества в трудных экономических условиях (падение экономического значения Моршанской хлебной пристани), увеличением притока крестьянства с традиционными семейными устоями. У мещан на протяжении изучаемого периода заметна динамика семьи в сторону парной. Нельзя не отметить резкого нарастания доли одиноких людей в этом сословии, что могло быть результатом общероссийского процесса повышения брачного возраста у предпринимательских слоев населения с середины XIX в., а также ухудшения местной экономической конъюнктуры, которое сдерживало вступление в брак определенной части мещан из-за бедности. Дворовые крестьяне, жившие в городе, заметно отличались от сельского крестьянства.

Исповедные ведомости позволяют, во-первых, сравнить особенности ревизского и церковного учета семей податных сословий, во-вторых, изучать типологию других городских и сельских сословий, проживавших в городе.

В 1850 г. из 3276 человек, прошедших исповедь моршанских прихожан, 1106 (34%) проживали в простых малых семьях, 1104 (34%) – в составных семьях, 965 человек (29%) – в расширенных семьях, 77 (2%) –

одиноких и всего 24 человека (1%) не образовывали семьи, но вели совместное хозяйство.

Наибольшее количество почетных граждан (67%), купцов (53%) и удельных крестьян (50%) проживало в составных семьях. Сравнение этих цифр с таблицей 2 показывает практически полное совпадение удельного веса семей типа 5 у купечества как по данным ревизских сказок, так и по сведениям исповедных ведомостей. Очень высокий процент наиболее крупных и сложных семей у почетных граждан объясняется формированием этого сословия из самых богатых купеческих семей, достигавших предпринимательского успеха именно благодаря клановой кооперации. Доля семей типа 5 у удельных крестьян (близки к государственным крестьянам) Моршанска была заметно ниже, чем у ревизских семей сел М. Пупки и Рассказово, но заметно выше доли таких семей у исповедальных семей государственных крестьян с. Рассказово [2].

Среди семей Моршанска, пришедших на исповедь, нуклеарные семьи преобладали у унтер-офицеров – 100%, офицеров – 87%, дворян – 62%, вольноотпущенных – 59%, духовенства – 60% и мещан – 35%. Сравнение мещанских показателей по исповедальным данным с ревизскими (см. табл. 2) показывает их примерную сопоставимость, а главное то, что в обоих источниках малая семья у мещан была преобладающей. Преобладание семьи типа 3 у бывших унтер-офицеров, офицеров, дворян, недавних крестьян-вольноотпущенников, живущих в городах дворян может быть объяснено отсутствием необходимости кооперации братских семей этих сословий в их профессиональной деятельности.

Семьи типа 1 преобладали у солдаток (54%) и дворовых (33%). Как и в сельской местности, так и в городе, семьи этих слоев населения были наиболее деформированы условиями феодального общества.

По Тамбову первой половины XIX в. мы располагаем пока выборочными данными о 37 мещанских и 14 купеческих семьях. Анализ этих данных показал, что средний размер мещанской семьи в губернском городе составлял 4,5 чел., купеческой – 5,0 чел. Показатель по мещанству Тамбова оказался близким к аналогичному по Моршанску, а вот семьи тамбовских купцов были намного меньше, чем у купцов Моршанска. Пока мы нельзя делать четких выводов. Но можно предположить, что купечество Тамбова, жившее в городе уже около 200 лет, подверглось большей модернизации, чем купечество Моршанска, который стал городом только в конце XVIII в. К тому же, Тамбов не переживал таких резких перепадов экономической конъюнктуры, как Моршанск, и соответственно у местного купечества не было острой необходимости в семейно-клановой кооперации.

Данные формулярных списков 152 чиновников Тамбова, Моршанска и Кирсанова за 1850 г., с одной стороны, говорят о свершившемся переходе этого сословия к малой семье – средняя численность 2,2 чел., но, с другой стороны, отражают ненормальное семейное положение почти половины государственных служащих (65 чел. холостых). Последнее обстоятельство нельзя связывать только с модернизацией семейных отношений. Дело было еще и в чисто феодальных, официальных ограничениях для чиновников вступать в брак до достижения определенного должностного статуса.

Таким образом, наши данные не подтверждают господствующую среди многих историков точку зрения о том, что у российских горожан в первой половине XIX в. безраздельно господствовала малая семья. В реальной жизни процессы, происходившие в семье, были гораздо сложнее, находились в зависимости от конкретной ситуации отдельных городов и специфики положения отдельных сословий феодального общества.

Как уже отмечалось, сведения по размерам городской семьи во второй половине XIX в. можно вычислить по данным Первой Всеобщей переписи населения России. Таблица 2 переписи позволяет выделить три категории домохозяйств – состоящие из одиноких лиц, состоящие из родственников (без наемных работников и квартирантов), состоящие из наемных работников. Первые две категории можно считать реальными семьями, третья представляла собой общежитие посторонних друг другу людей, объединенных работой на одного хозяина, на одном предприятии или составляющих артель.

Таблица 3

**Средний размер различных групп домохозяйств городов
Тамбовской губернии в 1897 г.**

Город/Группы семей	Хозяйства родственников	Хозяйства одиноких лиц	Хозяйства наемных работников
Тамбов	4,2	1,7	16,2
Борисоглебск	4,3	1,6	15,8
Елатыва	4,4	1,8	11,5
Кадам	4,8	1,7	5,5
Кирсанов	4,3	2,1	9,1
Козлов	4,3	2,0	13,0
Лебедянь	5,2	1,8	9,4
Липецк	4,8	1,8	9,4
Моршанск	4,4	1,7	5,9
Спасск	4,6	1,6	4,0
Темников	4,6	1,9	7,6
Усмань	5,2	1,8	11,5
Шацк	5,6	1,7	8,7

Источник: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т.42. Тамбовская губерния. СПб., 1904.

Судя по таблице, в большинстве городов губернии семьи, состоящие из родственников (их было обычно ок. 80% от всех домохозяйств своих городов), насчитывали в среднем от 4 до 5 чел., что уже соответствовало стандартам современного общества. Только в Шацке, Лебедяни и Усмани, где среди горожан была велика доля лиц, профессионально занятых в сельском хозяйстве, средние размеры семей оставались близкими к нормам традиционного общества.

В большей части городов Тамбовской губернии доля семей из одиноких людей составляла 8-11%. Судя по данным таблицы 3, в них чаще проживало по 2 человека, не связанных браком, реже – полностью одинокие люди. Это явный показатель кризиса традиционного брачного поведения, населенности общества на максимально полную брачность. Для сравнения отметим, что аналогичный показатель сельского населения ни в одном из уездов не превышал 1%.

Хозяйств наемных работников в городах насчитывалось совсем немного – 1-2%. Но поскольку их людность была намного выше, чем в хозяйствах других категорий, они заметно влияли на увеличение общегородского среднего размера домохозяйства. В Тамбове, Кирсанове, Козлове он был на 2 чел. больше, чем в нормальных домохозяйствах, соответствовавших реальной семье. Мы еще раз видим опасность использования в демографии слишком усредненных показателей, в данном случае искажавших истинную картину состояния городских семей из-за включения в перепись домохозяйств наемных работников, не бывших реально семьями.

Среди первичных материалов второй половины XIX в. выделим семейные списки купцов Тамбова за 1890-1910-е гг. Данные по 114 семьям показали, что средний их размер равнялся 5 чел. и превышал показатель «обычной» городской семьи.

Таблица 4

Типология купеческих семей Тамбова
в конце XIX – начале XX в.

Тип	%
1.1. Одинокие вдовцы	12
2.1. Несемейные кровные родственники	1
2.2. Др. родственники, живущие вместе	1
3.1. Супружеская пара	8
3.2. Супруги с детьми	54
3.3. Вдовцы с детьми	5
3.4. Вдовы с детьми	6
4.3. Супруги с детьми и неженатыми братьями/сестрами	1
5.1. Вдовы / вдовцы с женатыми и неженатым и детьми и внуками	2
5.2. Супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками	9
5.4. Семьи братьев/ сестер с женатыми и неженатыми детьми	2

Таблица отразила явное преобладание у тамбовских купцов простой нуклеарной семьи (почти 2/3 от всех семей), очень небольшую долю сложных семей (типы 4-5) и сравнительно высокий показатель одиноких людей. Последнее было связано со сравнительно долгим пребыванием в холостяках молодых купцов, что соответствовало «нормативу» индустриального общества для предпринимателей – не вступать в брак, пока крепко не заведено свое дело (бизнес).

При вычете из подсчетов несемейных купцов получается, что среднее количество членов семей составляло 5,7 чел., т.е. на одну брачную пару приходилось около 4 детей. Это свидетельствовало о том, что многие купеческие семьи, становясь простыми по структуре, оставались сравнительно большими по нормам современного общества из-за сохранения традиционной многодетности.

Примерно также в конце XIX – начале XX в. выглядели семьи городского духовенства. Данные по 22 семьям священников церковью Тамбова, Моршанска, Кирсанова за 1892-1903 г. говорят об их средней численности в 5,2 чел. Это, как правило, означало семью, состоящую из брачной пары и 3-х, реже 4-х детей.

Специфическую картину запечатлели сведения о 54 семьях чиновников тех же трех городов за 1880-1890 гг. Их средний размер составлял 2,8 чел. Каждый четвертый чиновник был холост. На брачную пару приходился один ребенок. В семьях практически не проживали взрослые дети. Перед нами опять-таки современная семья, но несколько деформированная отмеченными выше феодальными нормами ограничения чиновничьих браков и стремлением самих чиновников заводить семьи по достижению сравнительно высокого должностного статуса.

В целом мы видим, что городские семьи Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX в. переживали модернизацию, степень которой по-разному проявлялась в разных слоях населения и зависела от силы их традиций и социально-экономического положения.

Примечания

1. См. настоящий сборник. С.83.
2. См. настоящий сборник. С.83-84.

гиозность. Отметим также, что большинство купеческих надгробий были каменными, чаще всего из пород мрамора или гранита. У представителей крупного купечества они особенно выделялись по размерам, подчеркивая высокий социальный статус погребенных. Купеческие надгробия особенно четко выразили общественные вкусы к стилю и определенному типу памятников, свойственному конкретной эпохе. Одновременно общие изменения общественной жизни нашли свое отражение в содержании и характере надгробных надписей.

Примечания

1. См.: Государственный архив Курской области (далее ГАКурО). Ф.95. Оп.1. Д.3. Л.46.
2. См.: Травина А.С. Городской голова // Курск: Краеведческий словарь-справочник. Курск, 1997. С.92.

В.В. Канищев, Э.А. Морозова
Тамбовский государственный университет

МИКРОМИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КРЕСТЬЯН ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

(по материалам выселок с. Рассказово Тамбовской губернии)*

Общеизвестным фактом является то, что в первой половине XIX в. началось организованное переселение государственных крестьян из уже достаточно плотно заселенной центрально-земледельческой полосы России в районы Урала и Сибири [1]. Однако механизм этого процесса на уровне конкретных переселенцев практически не изучался.

С. Рассказово Тамбовского уезда представляет немалый интерес в этом отношении, т.к. к концу XVIII в. в нем наместились признаки перенаселения и соответственно нехватки земельных угодий. С одной стороны, это побудило крестьян и помещиков к частичному переходу от земледельческой к торговой и промышленной деятельности и привело к постепенному превращению Рассказова в крупное торгово-промышленное село. С другой стороны, часть крестьянского населения села выселилась на окрестные территории. Однако в течение первой половины XIX в. и в

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант №0101-00331а).

рассказовских выселках, образованных государственными крестьянами, стало ощущаться перенаселение, что и побудило государство к организации переселения в малоосвоенные районы страны.

Некоторые возможности для изучения микромиграционных процессов дают ревизские сказки. В нашем случае таковыми являются первичные материалы ревизий 1850 и 1858 гг. по государственным деревням рассказовской округи [2]. Наибольшая ценность ревизских материалов состоит в том, что они не только отражают факты миграции, но и позволяют увязывать миграционные процессы со структурой конкретных семей. В статье привлечены также некоторые материалы, связанные с земельными отношениями на рассматриваемой территории, которые важны для понимания причин миграции [3].

Переселенческое движение в государственных деревнях рассказовского прихода не было широким по масштабам. Всего, не считая чисто репрессивного переселения в Закавказье молоканских семей, на жительство в Томскую и Оренбургскую губернии из Рассказовских выселок в 1853-1854 гг. выехали члены 26 больших семей. В целом переехали около 60 малых семей (около 111 мужчин и 105 женщин). Невозможность более точного подсчета числа малых семей и общего числа переселенцев определена тем, что данные о семьях приводятся в ревизии 1858 г. за 1850 г. и неизвестно, кто из их членов к моменту выезда в 1853-1854 гг. был уже женатым, кто холостым или вдовцом, у кого родились дети.

Основная масса переселенцев выехала в 1853 г. в Томскую губернию (члены 9 больших семей) и в 1854 г. в Оренбургскую губернию (члены 17 больших семей). В 5 государственных деревнях – Рассказовских выселках – семьи переселенцев распределились следующим образом: 12 семей – из д. Комаревка, 7 семей – из д. Липовка и 7 семей – из д. Туляны; из деревень Большая и Малая Богословка на переселение не выехал никто. Из общего числа в 71 двор крестьяне выехали из 24 (2 двора дали по 2 разные семьи на выезд), что составляло 33,8% от всех дворов.

Только 10 выехавших семей составляли полное дворохозяйство (14,1% от всех деревенских дворов). Остальные 16 семей выехали из состава больших составных дворов, где после их отъезда остались в основном по 2-3 малых семьи. Как сказано выше, 2 двора выдвинули из своих рядов по 2 семьи переселенцев, главы которых не состояли в близком родстве. В одном случае невестка главы семьи (жена брата) с 2 малолетними детьми (6 и 4 лет) уехала в Томскую губернию, а 3 его двоюродных брата с семьями уехали в Оренбургскую губернию. Во втором случае в Оренбургскую губернию выехали 2 семьи племянников главы от разных братьев. В двух случаях выезд состоялся из очень больших семей:

1) 4 племянника с семьями выехали из двора, где осталось еще 7 малых семей; 2) выехал фактический глава семьи с 2 взрослыми сыновьями, а во дворе осталось еще 14 малых семей.

Родственные связи в 16 случаях выезда части населения двора распределялись так: в 5 случаях выехали номинальные их главы, т.е. старшие мужчины. Дворы остались на родного брата, внуков, племянника и двоюродного брата. В 4-х случаях выехали от 1 до 3 племянников с семьями или без. В 3-х случаях двор покинули младшие братья глав больших семей. Единичные случаи составил выезд из двора двоюродных братьев главы семьи, внучатого племянника, внука и сына. Таким образом, выявлен только один случай выезда из хозяйства кровного родственника по прямой линии – сына, все остальные уехавшие родственники были бокового родства или в третьем колене – внуки.

Преобладание среди переселенцев частей больших семей является особенностью начального этапа переселенческого движения. Во второй половине XIX – начале XX в. из Тамбовской губернии, как правило, мигрировали целые семьи-дворы. Но при этом следует учитывать, что средние размеры крестьянского двора в пореформенный период уменьшились, а его структура упростилась в сторону преобладания простых семей. Отсюда становится понятной внутрисемейная причина миграционного выбора первой половины XIX в. – невозможность сосуществования в одной расширенной семье многих малых семей с взрослыми главами (часто дедами) при запрете государством разделов в семьях государственных крестьян.

Для понимания причин переселения конкретных семей из конкретных деревень важно выяснить их земельную обеспеченность. К сожалению, наиболее ранний источник, который дает возможность вычислить душевые земельные наделы, – владенные записи рассматриваемых государственных деревень – относится к 1868 г. Но учитывая, что земельные владения этих деревень, расположенных в давно разверстанной части Тамбовской губернии, в 1850-1860-е гг. вряд ли изменились, можно считать душевые наделы на 1850-й год, т.е. канун переселения, а также на последующие годы, дабы определить результаты переселения. При этом для понимания вопроса мы сделали расчеты и по тем деревням, откуда не было миграции.

Таблица 1

Душевые наделы в Рассказовских выселках в 1850-60-е гг. (в десятинах)

Деревня	1850	1868
Большая Богословка	4,5	4,0
Туляны	3,8	4,8
Липовка	2,9	4,6
Комаревка	3,6	3,7
Малая Богословка*	6,6	5,7

* Примечание: Средний надел определен чисто арифметически в целях сравнения с другими поселениями. Реально крестьяне этой деревни владели четвертными подворными землями и у разных владельцев были разные наделы.

Таблица совершенно определенно указывает на зависимость переселения от размеров земельных наделов. В 3-х деревнях, давших переселенцев, в 1850-е гг. наделы уже были значительно меньше минимального для Тамбовской губернии надела в 5 десятин на душу (4). Очень низкий земельный надел в д. Липовка – 2,9 десятин на мужскую душу, начал возрастать еще в 1848 г., когда пошел процесс выселения из деревни молокан. Юридически процесс несколько затянулся, и в ревизии 1850 г. молоканские семьи еще числились в крестьянской общине деревни. На деле же они уже были выселены в Закавказье, и земли, скорее всего, переделены между оставшимися общинниками. Реальный надел составлял, за вычетом молоканских душ, ровно 4 десятины. Самой малообеспеченной землей деревней в 1850-е гг. была Комаревка, которая и дала наибольшее количество выселенцев. Напротив, наиболее обеспеченные землей деревни Малая и Большая Богословка вообще не дали переселенцев.

Результаты миграции из трех деревень оказались, несомненно, благоприятными для оставшихся жителей. Их земельные наделы увеличились, тогда как в деревнях, откуда не произошло выселения, душевые наделы сократились.

Таблица 2

Соотношение мужского и женского населения
в Рассказовских выселках в 1850-е гг.

Деревня	1850	1858	Переселенцы
Большая Богословка	0,87	1,06	—
Туляны	1,01	0,95	0,97
Липовка	0,93	0,95	1,16
Комаревка	1,06	1,01	1,05
Малая Богословка	0,79	1,04	—

Таблица отразила сравнительно высокую долю мужчин в деревнях, давших мигрантов. Это видно и по соотношению мужчин и женщин в семьях переселенцев. К 1858 г. в этих деревнях доля мужского сократилась или осталась на прежнем уровне, в то время как в поселениях, не затронутых миграцией, этот показатель резко вырос. В 1850-е гг., скорее всего, выезжали молодые мужчины и семьи с рабочими руками. Из 26 случаев выезда только 7 случаев пришлось на выезд одной малой семьи (26,9% от выехавших). В остальных случаях имел место выезд 2-х и более малых семей. Факты выездов больших сложносоставных семей составили 53,8%. Очевидно, переселенцы в основной своей массе не собирались полагаться на удачу или браки с местным населением, а поднимать новое хозяйство ехали сообща.

Таблица 3

Соотношение едоков и работников в семьях жителей
Рассказовских выселок в 1850-е гг.

Деревня	1850	1858	Переселенцы
Большая Богословка	1,93	1,81	—
Туляны	1,80	1,89	1,58
Липовка	1,69	1,83	1,37
Комаревка	1,66	1,84	1,63
Малая Богословка	1,67	2,13	—

Таблица отразила выезд прежде всего семей со сравнительно небольшим соотношением едоков и работников. Это может быть объяснено преобладанием в них молодых брачных пар и небольшой еще «отягощенностью» детьми и соответственно относительно большей готовностью прокормиться в новых, поначалу неизбежно трудных условиях, в сравнении с теми семьями, в которых на работников приходилось много едоков и которым было труднее подняться с места.

При рассмотрении вопроса учитывалось и то, что государственные крестьяне как бывшие служилые люди, а затем однодворцы имели особые претензии к государству. Так, однодворцы деревни Туляны еще в период Генерального Межевания конца XVIII в. посчитали, что им недодали 24 десятины 1870 саженой земли до положенной 8-десятинной нормы. При этом в число односельчан, на которых версталась земля, вошли и 22 души дворовых людей однодворцев.

В связи с наделением земель дворовых людей в 1835 г. в Тулянах, где существовало общинное землевладение, возник спор между владельцами дворовых и остальными общинниками. Община оказалась сильнее отдельных домохозяйств. 4 семьям (3 семьи Черновых и 1 семья Карповых) так и не удалось доказать, что их земля — не общинный надел, а жа-

лование их предкам за службу, и их дворовые имеют право на традиционный душевой надел 8 десятин из общинной земли. Подобная ситуация не устраивала остальные 16 семей их односельчан. Особенно показательна позиция клана Толстовых, который сильно разросся и 30 четвертей (около 15 десятин) пахотных земель на 6 дворов (около 30 малых семей, 58 душ мужского пола) его совершенно устраивал. Толстовы требовали, чтобы дворовых (особенно это касалось новоприобретенных), как говорилось в указе 1820 г., хозяева-однодворцы размещали на своих покупных землях. Дело окончилось тем, что в 1854 г. все оставшиеся на тот момент однодворческие дворовые люди были проданы казне (уступлены в казну) и переселены с семьями в Оренбургскую губернию (более 20 душ мужского пола). Разверстанная на них земля перешла в общинное пользование.

Интересно заметить, что в д. Малая Богословка тоже были семьи с дворовыми. Но там землевладение оставалось четвертным и споров по наделению землей дворовых не возникало. Тем более, такие однодворцы искренне считали себя дворянами, а все земельные вопросы решались каждой семьей лично.

Таким образом, очевидно, что причинами переселений были не только недостаточные размеры земельных наделов государственных крестьян, но и особенности их земельных отношений, которые к середине XIX в. явно стали напряженными. Набиравшая силу и поддерживаемая государством община отчетливо стремилась уравнивать в наделении землей всех своих членов, лишить каких-то привилегий односельчан, имевших дополнительную землю и дополнительные рабочие руки за счет наличия у них дворовых людей. Вопрос о роли общины в «выталкивании» лишних ее членов на переселение требует дополнительного изучения.

В целом же можно сказать, что микромиграционные процессы в государственной деревне первой половины XIX в. на уровне отдельных поселений определялись наметившимся аграрным перенаселением, падением ниже нормы размеров душевых земельных наделов, наступлением общины на бывшие привилегии госкрестьян, а на уровне конкретных дворов невозможностью сосуществования малых семей в составе огромных расширенных семей. При этом наиболее готовыми к переселению оказались сравнительно молодые семьи с относительно небольшим соотношением едоков и работников.

Примечания

1. См.: Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1963.

2. См.: ГАТО. Ф.12. Оп.1. Д.1793. Л.477-516, 563-600; Д.2034. Л.330-375, 414-492.
3. См.: Там же: Д.279. Л.127; Д.1049. Л.396-396 об.; Д.1515; Ф.26. Оп.5. Д.422, 427, 430, 446, 461; Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии. Т.12. Тамбовский уезд. Тамбов, 1886. С.142-149, 158-161.
4. См.: Есиков С.А. Канищев В.В. Естественно-исторические критерии определения зажиточности крестьянства на мезо- и микроисторическом уровнях // Зажиточное крестьянство России в исторической ретроспективе: Материалы XVII сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (Доклад на пленарном заседании). Вологда, 2001. С.17.

Р.Л. Рянский

Курский государственный педагогический университет

ЧИСЛЕННОСТЬ, СОСТАВ И РАЗМЕЩЕНИЕ ДВОРЯНСТВА КУРСКОЙ ГУБЕРНИИ НАКАНУНЕ РЕФОРМЫ 1861 г.

История курского дворянства первой половины XIX в. практически не изучена. В общесторической и краеведческой литературе встречаются лишь отдельные факты, которые касаются преимущественно помещичьего хозяйства. В настоящей статье рассматриваются некоторые историко-демографические и историко-географические аспекты данной темы, которые являются, пожалуй, наименее исследованными.

Необходимые сведения содержатся в ряде архивных и печатных источников. К их числу относятся, в частности, губернаторские отчеты, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве: «Военно-статистическое обозрение Российской империи»; «Памятная книжка Курской губернии на 1860 год» [1].

Рассмотрим сначала динамику численности курского дворянства в последние предреформенные десятилетия. Согласно данным губернаторских отчетов, в 1842 г. насчитывалось 12055 потомственных 3050 личных дворян обоего пола [2]. До конца 1840-х гг. наблюдался небольшой, но устойчивый рост численности обеих категорий «благородного сословия». В 1850 г. численность потомственных дворян достигает 14628 и личных – 3900 чел. [3]. Затем начинается падение численности потомственных дворян вплоть до 1855 г., когда их количество достигло 11753 чел. [4]. Что же касается личных дворян, то их количество сокращается лишь до 1851 г. После чего до середины этого десятилетия наблюдается их стремительный рост – до 6647 чел. в 1855 г. [5]. С 1856 г. численность потомственных дворян снова стала увеличиваться, что продолжалось до 1858 г. В